

И. А. Кривелев

Ш*ученые*ку
ДЭ
ШКОЛЬНИКУ

О «тайнах» религии

ИОСИФ АРОНОВИЧ КРЫВЕ-
ЛЕВ — доктор философских
наук, старший научный со-
трудник Института этногра-
фии Академии наук СССР.

И. А. Крывелев родился в Бе-
лоруссии в 1906 г., в 1934 г.
окончил философский факуль-
тет Московского историко-фи-
лософского института. Специа-
лист по религиоведению и исто-
рии религии. Основные работы
выполнены в области истории
религии.

И. А. Крывелев опубликовал
несколько десятков книг и бро-
шюр и более двухсот научных
статей. Среди них такие изда-
ния, как «Книга о Библии»,
«Религиозная картина мира и
ее богословская модернизация»,
«Раскопки в библейских стра-
нах», «Что знает история об
Иисусе Христе», «История
религий» и другие.

И. А. Кривелев

Библиотечка
Детской
энциклопедии

О «тайнах» религии

Редакционная
коллегия:

И. В. Петрянов
(главный редактор),
И. Л. Кнунянц,
А. Л. Нарочницкий

Москва
♦Педагогика♦, 1981

ББК 86.30
К 11

Рецензенты:

Х. Н. Момджян,
доктор философских
наук;

Н. А. Колесник,
кандидат
философских наук

Крывелев И. А.

К11 О «тайнах» религии.— М., Педагогика, 1981.—
104 с., ил.— (Б-чка Детской энциклопедии «Уче-
ные — школьнику»).

30 коп.

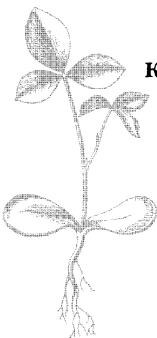
Автор книги — доктор философских наук, известный спе-
циалист в области антирелигиозной пропаганды И. А. Крыве-
лев на основе большого фактического материала разоблачает
религиозное мировоззрение как ложное и антинаучное. Школь-
ники узнают о том, насколько несостоятельными оказываются
церковные проповеди в свете критического анализа.

Рассчитана на школьников среднего и старшего возраста.

К 60403—020 46—81.4306000000
005(01)—81

ББК 86.30
25

© Издательство «Педагогика», 1981 г.

Во всем мире, и в нашей стране, существует еще немало людей, которые являются верующими или по меньшей мере считают себя принадлежащими к той или иной религии. Религий на свете много, некоторые из них насчитывают десятки и сотни миллионов приверженцев, другие — до нескольких тысяч. При всех различиях между ними есть общее, что дает нам право применять термин «религия вообще».

Некоторые религии именуются мировыми или межнациональными, другие — национальными или локальными, т. е. местными. К первой группе относятся христианство, ислам, или мусульманство, и буддизм. Индуизм исповедуют только обитатели или уроженцы Индии, иудаизм — в основном евреи, поэтому к мировым религиям их не причисляют.

Основной признак, присущий всем религиям, заключается в том, что они требуют от своих приверженцев веры в существование сверхъестественного мира, где якобы живут боги, ангелы, черти, где не действуют законы природы и происходят фантастические, по существу невозможные явления, именуемые на религиозном языке чудесами. Мир сверхъестественного рассматривается в этих верованиях как господствующий над нашим, реальным миром, определяющий все, что происходит в нем, и в частности судьбу людей и общественных классов. Служители религии — священники и епископы, муллы, раввины — требуют, чтобы люди поступали в своей общественной и личной жизни так, как им диктует так называемая религиозная мораль. В основе религии лежит антинаучное идеалистическое мировоззрение, ставящее

на место действительных естественных законов природы и общества такие законы, которые порождены фантастическими измышлениями.

Религия возникла еще в первобытном обществе и была обусловлена бессилием человека на той ступени его технического и культурного развития перед подавляющими его силами природы. В дальнейшем, в ходе исторического процесса, вступили в действие силы классовой эксплуатации, которые травмировали сознание человека в не меньшей степени, чем силы природы. Поэтому первобытный человек не мог освободиться от духовного гнета религии, она продолжала сковывать его сознание, хотя с каждым поколением ее власть над людьми делается все меньше.

Мы руководствуемся в нашей жизни и в борьбе за коммунизм философией диалектического и исторического материализма, непримиримо враждебной ко всем видам и разновидностям религии. А последняя представляет собой мировоззрение не только ложное, теоретически дезориентирующее человека, но и сбивающее его с пути прогрессивной общественной практики. В ходе всего исторического процесса религия служила опорой и орудием влияния реакционных сил и эксплуататорских классов, сковывая революционную энергию трудящихся и парализуя их борьбу против угнетателей.

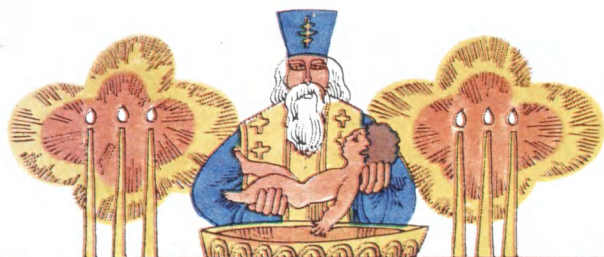
Это ни в коей мере не означает, что верующий человек самим фактом своей религиозности обрекается на пребывание в лагере реакции. Он может вопреки своей приверженности к религии под влиянием самой жизни и логики общественной борьбы встать на правильные и прогрессивные позиции и в содружестве с неверующими активно бороться за интересы трудящихся. Больше того, даже отдельные группы духовенства оказываются на некоторых этапах общественного развития в лагере сторонников

демократии и прогресса. Но это не меняет общего вывода о реакционной роли религии как идеологии, противостоящей научному мировоззрению марксизма-ленинизма и несовместимой с ним.

Данная книга призвана помочь вам, ребята, правильно понять, что такое религия и как к ней следует относиться. У вас чаще всего существует туманное представление о религии, поэтому попытки верующих и религиозных проповедников «обратить к вере» иногда оказываются эффективными именно по причине этого незнания. Чтобы по-настоящему разобраться в действительной сущности религии, нужно знать ее более конкретно, чем это во многих случаях имеет место сейчас.

Мы начинаем освещение вопроса с фактической стороны дела, с того, что можно непосредственно наблюдать, — с религиозных обрядов, после чего перейдем к анализу психологической и идеологической сторон этих явлений.

Религиозно-магические действия

Обрядность. В романе «Воскресение» Л. Н. Толстой так описывает некоторые моменты богослужения в православной церкви:

«... Священник, одевшись в особенную странную и очень неудобную парчовую одежду, вырезывал и раскладывал кусочки хлеба на блюде и потом клал их в чашу с вином, произнося при этом различные имена и молитвы.

...Предполагалось, что вырезанные священником кусочки, положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь...»

Имелось в виду, что образовавшиеся тело и кровь принадлежат не кому иному, как Иисусу Христу, богу и сыну бога. В дальнейшем ходе богослужения священник кладет ложкой эти куски богова тела, размоченные в его крови (т. е. кусочки хлеба, лежавшие в вине), в рот тем из молящихся, которые принимают участие в обряде. При этом произносятся соответствующие молитвенные формулы, по существу не отличающиеся от заклинаний. Обряд именуется причащением. С отдельными изменениями он практикуется во всех главных ответвлениях христианства.

Возьмем пример, относящийся к другой религии, — к иудаизму.

Осенним днем на берегу реки или другого водоема собралось несколько сотен человек, читающих молитвы и вытряхивающих один за другим в воду содержимое своих карманов. Они просят бога «уничтожить беззаконие наше», т. е. простить их грехи. Грубо говоря, все грехи верующих, каким-то образом воплощенные в крошках и мусоре, оказавшихся в карманах, выбрасываются в воду. В известной поговорке такие действия называются «концы в воду». Ты можешь творить всякие неблагоприятные дела, а раз в год придешь на берег какого-нибудь водоема и освободишься от всего, что натворил...

Это религиозные обряды. Почти все религии предписывают своим последователям совершать большее или меньшее количество обрядов, причем, как правило, порядок их выполнения регламентирован очень четко.

Мы привели выше примеры обрядности, которую можно назвать коллективной. Но помимо нее религией предписывается и много обрядов для выполнения их одним человеком не только в молитвенном доме (церкви, мечети, синагоге), но и в любом месте, где он может оказаться. Православный или католик во время богослужения много раз выполняет крестное знамение: он касается пальцами лба, груди и попеременно обоих плеч, изображая крест. Особо благочестивый православный делает это перед едой и после еды, проходя мимо церкви, испугавшись чего-нибудь. Считается, что крестное знамение в состоянии предохранить человека от неприятностей, особенно от нападения «нечистой силы». «Осенив» кого-нибудь им, «благословляют» человека, призывают на него благоволение «свыше». Считается, что особенную силу приобретает крестное знамение, если

при этом произносятся определенные молитвенные слова.

Некоторые религии предписывают своим приверженцам совершать определенное количество молитв в день. Особый распорядок молитв предусмотрен для праздников; в некоторые из них полагается весь день находиться в молитвенном доме и непрерывно совершать там положенные церемонии.

Многие обряды выполняются религиозными людьми механически. Вот, к примеру, человек по доброй воле или в порядке искупления своего проступка («греха») совершает подряд определенное количество земных поклонов — сто, двести или больше. Никакого смысла в этом конечно же нет.

Помимо обрядов, выполняемых самими верующими, следует отметить те, совершение которых является обязанностью или привилегией служителей культа: христианских священников и епископов, мусульманских мулл, иудейских раввинов и др. Они «благословляют» мирян, совершают всевозможные манипуляции — курят ладаном в церкви при помощи кадила, причащают и исповедывают прихожан. Особенно большое поле деятельности существует для них в той области, которая связана с выполнением личных и семейных обрядов. Рождение ребенка, достижение совершеннолетия, бракосочетание, наконец, похороны умершего и поминальные обряды — все это у верующих людей сопровождается религиозными церемониями, выполняемыми служителем культа. Обряды, связанные с этапными событиями в жизни человека, практиковались в различных обществах спокон веков, но церкви разных религий вторглись в эту область быта. Это помогло им осуществлять свое господство в общественной и частной жизни, контролировать поведение людей и направлять его в выгодное для себя русло.

Поражает та ожесточенная борьба, которая в различные исторические эпохи многие годы велась меж-

ду различными церквами и религиозными группами в связи с тем, как нужно выполнять те или иные обряды. Вспомним, например, длившуюся в течение долгих десятилетий XVII—XVIII вв. борьбу между русской православной церковью и старообрядчеством. Внешне дело выглядит так, как будто разногласия заключались в таких «существенных» вопросах: водить ли крестный ход посолонь (по солнцу, по часовой стрелке) или против солнца, креститься двумя пальцами или тремя, произносить «аллилуйю» дважды или трижды, почитать ли четырехконечный крест, произносить ли Иисус или Исус?.. Людей, мнение которых по выполнению обрядов противоречило церковному, жестоко пытали, держали десятилетиями в сырых острожных подземельях, сжигали живьем, подвергали всяким другим изуверским казням: вырывали язык, затем отрубали руки и ноги. А староверы, упорно не желавшие выполнять обряды по церковному образцу, шли на массовые самоубийства, часто — на самосожжение. Считается, что в этих так называемых горях погибло на Руси около 20 000 человек. Правда, на Поместном соборе в 1971 г. русская православная церковь признала, что все ее «клятвы» (проклятия) против старообрядчества были напрасны. Но бывшее зачеркнуть невозможно. Следует только разобраться: действительно ли эти массовые убийства совершались из-за того, как нужно выполнять те или иные обряды. Неужели люди не понимали, что не следует мучить и убивать своего ближнего из-за того, что он признает не только восьмиконечный или шестиконечный крест, а также и четырехконечный?!

Действительные причины борьбы были иные. Разные социальные и политические группировки общества боролись за свои экономические и прочие интересы, но поводом к тому, чтобы выступать против своих противников, выставлялись не эти

интересы, а некие благочестиво звучащие мотивы. В качестве таковых выступали обвинения в ереси и безбожии людей, якобы заслуживших самого страшного преследования и наказания. Обрядовые разногласия являлись лишь внешней формой социально-экономической и политической борьбы.

Молитва. Обрядовые действия, как правило, сопровождаются молитвами — обычно стандартными, канонизированными в данной религии.

В исламе каждый верующий 5 раз в день творит так называемый намаз. При этом он произносит соответствующие слова и сопровождает их определенными телодвижениями — молящийся принимает точно установленные, предписанные ему позы. В иудаизме верующий совершает пространную молитву не меньше 3 раз в день. В христианстве и некоторых других религиях молитвословие не ограничено, но рекомендуется неоднократное повторение разных молитв, а иногда одной и той же. Некоторые «святые» христианской церкви прославились именно тем, что повторяли такие молитвы, как «Отче наш» или «Богородице-дево, радуйся», подряд десятки и сотни раз. Чтобы не сбиться в подсчете повторений, применяются четки. Это нечто вроде связки бус: откладывая на ней одну бусину после каждой молитвы, верующий имеет возможность постоянно находиться в курсе своей «молитвенной арифметики».

Особо высокого уровня «механизации» достиг молитвенный процесс в ламаизме (ответвление буддизма). Там существуют так называемые хурде (по-монгольски) — молитвенные мельницы. Это цилиндры или ящики, вращающиеся вокруг своей оси и подобные тем, которые применяются для лотерей. Хурде наполнена бумажками с текстом: «Ом мани падме хум». Смысл его непонятен не только рядовым верующим, но даже служителям культа: если когда-

то здесь и был какой-то смысл, то он теперь забыт. Каждый верующий, проходя мимо хурде, установленного в каком-нибудь публичном месте (не только в храме, но и на площади, на перекрестке дорог и т. д.) или у входа в жилой дом, должен взяться за ручку и прокрутить ее возможно большее количество раз. Считается, что молитва вознесена к богам столько раз, сколько произведено оборотов. Бывает, что к хурде приспособляют водяной или ветряной двигатель, который ее вращает.

Человек, исповедующий христианство, может заявить по этому поводу, что его религия чужда такой бессмысленной автоматизации молитвенного процесса, в ней, дескать, осуществляется общение верующего человека с богом, происходит их живой диалог, благотворным образом действующий на душу верующего. Для исторически сложившихся, а не искусственно измышляемых в настоящее время религиозных учений это возражение практически не имеет силы.

Большинство молитв во всех ныне исповедуемых религиях, по существу, лишено реального смысла для современного человека. Анализ молитв показывает, что они представляют собой колдовскую, магическую формулу-заклинание и почти ничем не отличаются от заговора. Многие заговоры от болезней начинаются молитвенным вступлением: «Помолимся господу богу, пресвятой богородице...» или «Господу богу помолюся, святой троице поклонюся». Иногда вначале идет формула «во имя отца и сына и святого духа». У белорусов были заговоры, начинавшиеся непонятным словом «вотча»; можно лишь догадываться, что в этом слове соединилась трехчленная формула «во имя отца». Этим опять-таки подчеркивается то обстоятельство, что в смысле слов заговора человек, произносящий его, как правило не разбирается, ему важно воспроизведение определенной формулы.

Смешение христианских обрядовых элементов с дохристианскими — «языческими» достаточно ярко видно в начале длинного заговора от разных болезней: «Господи боже, благослови! Стану я, раб божий, имярек, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из дверей воротцами, в чистое поле за воротами, из чистого поля в темный лес...» Далее произносящий заговор сообщает, что он уносит с собой соответствующую болезнь. Окончание заговора также нередко содержит христианский молитвенный текст, например: «Всегда и ныне и присно и во веки веков, аминь» и т. д.

Мысль о том, что заговор или заклинание есть явление того же порядка, что и молитва, вызывает со стороны защитников религии решительные протесты: в молитве, по их мнению, человек обращается к богу самым возвышенным и благочестивым образом, выражая свою верность ему и благоговение перед ним, а в заговоре или в заклинании содержится бессмысленный набор слов, без определенного адресата. А если такой и есть, то это не святая и чистая сила бога и его угодников, а бесовские и нечистые существа, проклятые богом, и т. д. Такое возражение не выдерживает ни малейшей критики.

Если подумать над смыслом богослужения, то нельзя не прийти к следующим выводам. Во-первых, бог плохо осведомлен о том, что делается на земле, так что приходится ему сообщать о нуждах и страданиях людей, к которым он в достаточной мере равнодушен. Если не упрашивать его о помощи, он по собственной инициативе ничего не сделает. Во-вторых, у него нет твердых решений по всем делам и судьбам человеческим, все зависит от того, обратятся ли к нему с просьбами верующие или нет. Заметим к этому, что после каждого провозглашенного священником обращения хор взывает к богу: «Господи, помилуй!» Эти мольбы рассчитаны на то, чтобы

смягчить сердце некоего жестокого существа, каковым бог, называемый всемилостивым и всеблагим, не должен был быть.

Классик русской литературы И. С. Тургенев писал: «О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: «Великий боже, сделай так, чтобы дважды два — не было четыре... Но может ли даже личный, живой, образный бог сделать, чтобы дважды два — не было четыре? Всякий верующий обязан ответить: может — и обязан убедить самого себя в этом. Но если разум его восстанет против такой бессмыслицы?» А американский философ XVIII в. Томас Пэйн так говорил о молитвенной практике в религии: «Что такое весь этот хор молитв, как не попытка заставить Всемогущего изменить свои намерения и действовать иначе, чем он действует?» Нельзя не согласиться с этими оценками.

Представляет интерес в этом плане анализ молитвы «Отче наш», занимающей особое место в христианском культе: она — единственная, якобы преподанная верующим самим Христом. Начинается с обращения к богу как к отцу, причем сообщается, что он находится на небесах. Выражается несколько пожеланий: чтобы «святилось» имя его, чтобы пришло царство его и была воля его на земле и на небе. Реального содержания для современного человека эти пожелания не имеют. Чтобы святилось имя божие — как это можно понять, если оно и так святей святого? Не может же оно означать адресованное богу пожелание совершенствоваться и занять в мире более высокое положение, чем он занимает теперь! Просить бога о том, чтобы пришло его царство, в достаточной мере беспредметно, ибо он сам распоряжается им и, надо полагать, установит его, когда сочтет нужным. Бессмысленно просить, чтобы была «воля его», ибо чья же еще воля может осуществлять-

ся в мире, где господствует промысел божий — воля бога, направляющая все, что делается в мире?! Таким образом, все, что мы видели в молитве до сих пор, не имеет реального значения. Дальше, правда, начинается кое-что понятное: человек просит «хлеба насущного», прощения долгов своих (очевидно, грехов), предохранения от искушений и от власти «лукавого». В ряде религий богослужение происходит на языке непонятном или малопонятном для верующих: в католической церкви молятся на латинском языке, в православной — на церковнославянском, в синагоге — на древнееврейском, в мечети — на арабском.

Отдельные группы духовенства некоторых современных религий, где богослужение ведется на «священных» древних языках, требуют перехода на народный язык: в русской православной церкви — на русский, в католической церкви — на языки соответствующих народов. Руководящие органы этих церквей с опаской относятся к таким требованиям: не запрещают категорически их осуществления, иногда даже соглашаются с ними, но не торопятся проводить их в жизнь. Некоторые группировки в духовенстве разных религий решительно выступают против перевода богослужения на народные языки. В непонятности молитвенных формул видят они возможность для религии сохранить отношение верующих к ней как к чему-то таинственно-возвышенному, по смыслу доступному только священнослужителям.

То, что можно понять в содержании богослужения как молитвенного обращения к богу, фактически копирует ходатайства, обращаемые человеком в его реальной жизни к людям, от которых он по тем или иным причинам зависит. И сама форма таких обращений характерна для нравов эксплуататорского, преимущественно рабовладельческого и феодально-

го, общества. Бесправный и зависимый человек, обращаясь к своему владыке в униженном тоне, именует себя недостойным рабом, адресата же своего ходатайства возносит на недостигаемые высоты. Чуть ли не в любой момент богослужения или индивидуальной молитвы напоминают богу, насколько тот велик, славен.

Молитвы чаще всего поются или произносятся нараспев. В православной церкви, а также в баптистской, адвентистской и многих других христианских церквях в богослужении участвует хор, а в православном — нередко специальный певец — протодьякон, который должен обладать мощным голосом (как правило, басом). Иудейское богослужение ведет кантор, что в переводе с латыни означает «певец». У протестантов, в частности баптистов и адвентистов, вместе с хором поют все участники моления. В католической и некоторых других религиях богослужение сопровождается игрой на органе или на иных музыкальных инструментах. Молитвы во многих случаях положены на музыку видными композиторами. Религиозные общины разных церквей во многих странах привлекают для участия в богослужении знаменитых певцов и платят им большие гонорары.

Понятно, что таким способом можно привлечь на богослужение многочисленную публику, среди которой есть не только глубоко верующие люди, а и колеблющиеся или даже просто неверующие, приходящие в храм, чтобы послушать хорошее пение и музыку таких композиторов, как Бах, Гендель, Бортнянский, Гречанинов. С точки зрения самой религии дело здесь выглядит немного странно. Надо ли считать бога любителем музыки и пения? Для того ли все это делается, чтобы доставить ему эстетическое наслаждение?

Конечно нет. Музыка воздействует на настроение

участников богослужения. Люди становятся более восприимчивыми к религиозным чувствам и настроениям. Получается, однако, не слишком лестно для религии: религиозная вера и связанные с ней переживания нуждаются в искусственном подогревании средствами, прямо не связанными с религией и только привлекаемыми на службу ей. Небезынтересно отметить, что некоторые, например, баптистские гимны и песнопения исполняются на мотивы народных песен или песен современных композиторов.

Богослужение, камлание, колдовство. Принципиальной разницы между богослужением любой из религий и магическим культом первобытных народов и вообще народов, стоящих на низком уровне социально-технического и культурного развития, не существует.

У многих племен и народов земного шара, религией которых является полидемонизм (поклонение демонам, «духам»), роль посредников между людьми и миром демонов выполняют так называемые шаманы. Само шаманское действие в научной литературе называется камланием. У разных народов этот акт выполняется по-разному, но много и общего в шаманизме в целом.

Чаще всего камлание производится по случаю болезни кого-нибудь из членов племени с целью добиться при помощи демонов его выздоровления, но может оно совершаться и по любому другому поводу. Священнослужитель-шаман, как считают те, кто верит в его чудодейственную силу, общается с дружественными ему демонами, вступает в борьбу или в соглашение с враждебными силами, проникает в сверхъестественный мир и активно действует там в интересах призвавших его людей. Для камлания существует специальная одежда, чаще всего с бубенчиками и всякими побрякушками. С бубном в руках или барабаном шаман произносит заклинания и поет

Шаманское
«богослужение» —
камлание.

Человеческие
жертвоприношения
на о. Таити. Картина
Ф. Кривера.

В подавляющем
большинстве религий
наряду с добрыми богами
фигурируют и злые.
Кровожадные боги о. Таити.

под их аккомпанемент, иногда пляшет, производит всякие другие телодвижения обрядового порядка, иногда причудливо театрализованные. Нередко пользуется фокусническими приемами, создавая у присутствующих впечатление производимого на их глазах чуда. Как бы внешне ни отличалось камлание шамана от богослужения любой из религий, по существу, это одна из его разновидностей.

Если, допустим, христианский священник служит молебен богу или тому или иному святому угоднику, то шаман, по существу, тоже «служит» молебен своим духам (точнее, демонам — злым или добрым). Как и шаман, священник облачается для этого в специальную одежду — ризу, фелонь, епитрахиль, омофор (так именуются разные принадлежности облачения). В его распоряжении специальное «оборудование» — не бубен, как у шамана, так кадило, вещи и приборы, именуемые дарохранительницами, дикирием и трикирием, и т. д.; он произносит тексты, которые, по существу, представляют собой заклинания, близкие к шаманским, он поет. Но главное, что является одинаковым и для богослужения «высших» религий и для шаманского камлания: общение с несуществующими сверхъестественными силами при помощи магических приемов.

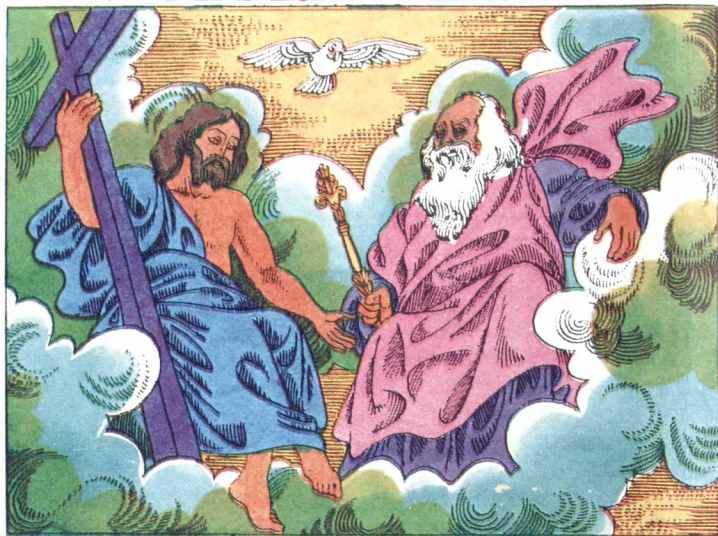
Средства этого мнимого общения в обоих случаях тоже почти одинаковы. Возьмем, например, те способы, при помощи которых религия якобы оберегает человека от враждебных ему сверхъестественных сил. В иудаизме, христианстве и исламе эти силы олицетворены в виде бесов, возглавляемых сатаной (в исламе — шайтан), проще говоря, в виде «нечистой силы». Верующие иудеи выставляют против нее молитвенный текст. Кусочек пергамента или бумагу с текстом закладывают в железку, которую прибивают к притолоке двери. Этим якобы преграждается доступ в квартиру нечистой силе. В христианстве такую

роль играет изображение креста: в критических случаях достаточно «осенить крестным знамением» угрожаемый участок или, наоборот, нечистую силу, чтобы избежать опасности. В других следует постоянно держать в определенном месте деревянный или металлический крест. Иногда, чтобы прогнать дьявола, достаточно показать ему плоскостное или объемное изображение креста. В науке такие предметы носят название оберегов.

Некоторые богословы осуждают магические обереги и соответствующие обычаи — это, мол, все суеверие, а не религия, которая-де свободна от всяческой магии. На самом деле и по этому поводу, и по многим другим нет оснований разграничивать религиозную веру и суеверие. Есть различные формы религии, но все они представляют собой область суеверия.

Для многих верующих исполнение обрядов является основным в их религиозной жизни. Есть даже такой термин, часто встречающийся в богословской литературе: обрядоверие. Некоторые сторонники религии не одобряют этого явления, считая, что приверженностью к исполнению обрядов подменяется настоящая религиозность. Но факт остается фактом: многие современные верующие усматривают свои обязанности перед богом именно в выполнении обрядов — ходят в церковь, в мечеть, синагогу, слушают богослужение, сами отчитывают определенное количество молитв, ставят свечи перед иконами, совершают поклоны земные или поясные (как написано в том или другом случае) и не задумываются ни о смысле своей веры, ни о том, какие обязанности она накладывает на них в их повседневной жизни. Чтобы разобраться в сути дела, надо понять, что религиозное поведение, как совокупность магических обрядов, по своему происхождению и смыслу связано с определенными представлениями. Этот вопрос мы и рассмотрим в следующей главе.

Религиозные верования

Любой религиозный обряд, любое магическое или, что то же самое, колдовское, действие связаны с определенными верованиями. И если человек совершает такие действия, значит, он верующий. Во что?

Ответ, казалось бы, ясен: конечно, в бога. Но этот ответ сам в свою очередь вызывает ряд новых вопросов. Что, собственно, значит «бог», как представляет его себе тот, кто в него верит? Здесь начинается удивительная разноголосица и путаница, ибо понятие бога оказывается до крайней степени туманным.

Бог и боги. Обратимся прежде всего к документам, составляющим вероисповедную основу некоторых религий, и прежде всего к Библии: ее признают своей священной книгой две современные религии — христианство и иудаизм. При этом первая и большая часть Библии, именуемая Ветхим заветом, признается обеими религиями, вторая и меньшая часть — Новый завет — только христианством. Как выглядит бог в Ветхом завете?

Иудейские и христианские богословы и священнослужители утверждают, что библейский бог «един» и что эти религии, таким образом, монотеистические, т. е. единобожеские, в отличие от всяких «языческих» религий и верований, которые должны считаться политеистическими, т. е. многобожескими.

Ветхозаветный бог не единый, он один из многих богов. В большинстве книг Ветхого завета господствует представление о том, что каждый народ имеет своего бога: Дагон — у филистимлян, Хамос — у моавитян, Астарта, Молох, Сиккут, Ваал-Фегор — у других народов; древнееврейский бог, воспринятый

впоследствии христианством, именуется Яхве. Каждый из богов покровительствует своему, избранному им, народу и признается лишь на той территории, на которой этот народ проживает. Таким образом, перед нами не единобожие, а многобожие. При этом каждый поклоняется только своему богу, который его избрал, а не другим.

Сложен вопрос о едином или многих богах в христианстве. Оно восприняло иудейское учение о боге, сотворившем небо и землю и постоянно управляющем миром. Но в христианстве он оказался не просто богом, а богом-отцом. А уж если он отец, то у него должны быть сыновья или дочери. И действительно, помимо бога-отца христианство признает еще и бога-сына — существо с весьма причудливой судьбой. Он воплощается в человеческом образе: рождается на земле от земной женщины; живет несколько десятков лет в образе человека, претерпевает всевозможные страдания и, наконец, гибнет на кресте, после чего воскресает и возносится на небо, где садится на трон по правую руку от бога-отца. А помимо этих двух божественных существ в вероисповедной системе христианства, оказывается, существует и третье, еще более таинственное, — святой дух.

Выходит, таким образом, что христианство признает не одного бога, а трех. Ни один священнослужитель этой религии, ни один богослов с этим не согласится. Они не устают повторять, что три перечисленных божественных существа — это не отдельные боги, а лишь три «лица» (по-гречески «ипостаси») одного и того же единственного бога, именуемого троицей. Это тройственное существо считается «нераздельным и единосущным». На происходившем в 451 г. Халкидонском церковном соборе троицу охарактеризовали следующими четырьмя эпитетами: «Неслитность, неизменность, нераздельность и неразлучность». Получилось нечто невразумительное,

ибо, например, первая характеристика (неслитность) полностью противоречит третьей (нераздельность): если какие-нибудь элементы нераздельны, то ясно, что они слитны. Л. Н. Толстой неоднократно обращался к критике этого христианского учения, утверждая, что, по существу, оно означает: единица равняется трем и три равняются единице. Один из древнейших христианских богословов — Тертуллиан писал по поводу учения о троичном боге, что это учение абсурдно и именно поэтому в него следует верить: понять, мол, разумом его нельзя, стало быть, надо принимать на веру.

Если подойти к вопросу без богословской казуистики, то ясно, что перед нами случай совершенно определенного троебожия. Не случайно мусульманские богословы и священнослужители называют христиан многобожниками (арабское — мушрикун). Сами мусульмане считают себя исповедующими последовательное единобожие; основное положение их вероучения гласит: нет бога, кроме Аллаха. По существу, однако, и мусульманский монотеизм никак не может считаться последовательным — ислам мало чем отличается в этом отношении от иудаизма и христианства.

Как и в этих двух религиях, в исламе наряду с существом, которое именуется богом, присутствует еще некая странная фигура, называемая дьяволом или сатаной, призванная чинить зло, прежде всего людям. Дьявол постоянно соблазняет их и вводит в грех, он же потом и расправляется с грешниками, подвергая их мучениям в аду, кстати сказать — по приговорам самого бога. Но между прочим, он является кровным врагом не только людей, а и самого бога. И видимо, он не уступает ему в силе, ибо до сих пор бог не может справиться с ним и ликвидировать этот источник всех бедствий.

По сути дела, дьявол есть не что иное, как второй бог, в отличие от первого, доброго, злой бог. Зачем

он понадобился? Без этой фигуры религия не может свести концы с концами и ответить верующему на такой простой вопрос: почему, если мир создан всеблагим и всемогущим богом, в нем так много зла и горя, страданий и бедствий? Можно свалить все это на второго бога, призванного вредить людям. Но тут возникает вопрос: откуда он взялся, этот злой бог?

На этот вопрос все указанные выше религии отвечают одинаково неубедительно. Бог-де создал сатану не злым, а добрым. Среди ангелов, которых сотворил

Различны практикуемые в разных религиях способы задабривания злых богов.

Выставляемые в Индонезии на крышах домов статуэтки молящихся призваны обеспечивать непрерывное внимание богов к нуждам людей.

бог в свое время, сатана был одним из самых прекрасных, но он возгордился, восстал против своего создателя и захотел сам стать богом, за что поплатился изгнанием с неба вместе с ангелами, превратившимися потом в чертей. Для дальнейшего времени вплоть до наших дней местопребывание сатаны выглядит довольно неясно. В общем, он как будто должен находиться в преисподней (в аду, под землей) и мучить там бывших грешников. Но, с другой стороны, некоторые места Библии дают основание

думать, что сатана имеет доступ и на небо, а его черти постоянно бродят по земле, сея среди людей зло.

Во всяком случае ясно, что вера христианства, иудаизма и ислама включает представление не об одном, а по меньшей мере о двух главных богах — добром и злом.

Многобожеский характер указанных религий этим, однако, не ограничивается. Кто такие ангелы и черти, если не боги с более ограниченной властью! В верованиях древних римлян фигурировала категория богов, именовавшихся *dii minores* — «меньшие боги». С полным основанием можно применять это наименование к ангелам и бесам современных религий. А помимо этих младших богов надо иметь еще в виду бесчисленные сонмы святых угодников, пребывающих, как учит церковь, на небесах в обществе бога: они тоже обладают сверхъестественными свойствами и качествами. Это дает основание рассматривать их как некоторую разновидность божественных существ.

А что представляет собой сверхъестественное существо, именуемое богом?

Религия учит, что бог создал человека по своему образу и подобию. На самом же деле все произошло наоборот: человек создал богов по своему образу и подобию. Как телесно-физические, так и умственные, моральные свойства сверхъестественных существ сконструированы религиозной фантазией по образцу человеческих, правда, гипертрофированных, преувеличенных, фантастически искаженных. А там, где человеческих свойств не хватало, фантазия прибегала к особенностям и образцам других, помимо человека, земных существ. Ангелам, например, она придала птичьи крылья, а крылья, как известно, состоят из перьев; вот и получился гибридный образ человека и птицы. Чтобы изобразить бесов, его воображению не хватило реальных человеческих черт;

понадобились козлиные рога и копыта, свиные хвосты, звериные рожи. Все это, таким образом, сделано не из ничего. Материал взят из реальной жизни, но он фантастически извращен и перемешан, так что может возникнуть впечатление «иного», чем земная реальность, особого сверхъестественного мира.

Дух или плоть? Основной особенностью бога защитники религии признают то, что, в отличие от человека и животных, он — существо бесплотное, духовное, просто «дух». Больше того, в христианском богослужении провозглашается проклятие (анафема) тем, кто считает бога телесным существом: «Глаголящим бога не быти дух, но плоть — анафема».

В Библии содержится большое количество текстов, из которых вытекает, что бог занимает место в пространстве и перемещается в нем. До сотворения мира «дух божий носился над водою» — не в воде он находился и не под водой, а именно над ней. Потом рассказывается, как бог прогуливался «в раю во время прохлады дня». Однажды ему понадобилось побороться с «праотцом» Иаковом, он напал на него, но оказался не в силах побороть человека и в конце концов прибег к приему, который в нашем спортивном обиходе рассматривается как запрещенный: он «коснулся сустава бедра его» так, что тот потом хромотал всю жизнь. Очень ярко телесный характер библейского бога выразился в повествованиях о его отношениях с пророком Моисеем. Чтобы разговаривать с ним, бог забирался в терновый куст. Когда Моисей попросил бога открыться ему, тот показал ему только свою спину.

По Ветхому завету, бог всегда обитает в том или ином определенном месте. Вначале он находился в ковчеге завета, т. е. в ящике из акациевого дерева, помещавшемся в специальном шатре (скинии). Затем, когда царь Соломон выстроил Иерусалимский

**Индонезийский бог —
пожиратель людей.**

**Во многих религиях
пропагандируется
стремление к обогащению.
Китайские боги —
покровители богатства.**

храм, бог находился в нем. По представлениям Талмуда (многомногого сборника толкований к Ветхому завету), после разрушения храма бог переселился на небо.

В Талмуде особенно отчетливо говорится о боге как о существе во плоти. Так, например, приводятся точные размеры божьего тела: «От подошвы его до голени — тысячу раз десять тысяч и пятьсот миль; от его голени до колен — девяносто раз десять тысяч миль и четыре мили (высокая степень точности. — *И. К.*). От колен до туловища Шехины (талмудическое наименование бога. — *И. К.*) — двенадцать раз десять тысяч и тысяча и четыре мили, от туловища до шеи — двадцать четыре тысячи раз десять тысяч миль. Высота от шеи — триста тысяч раз десять тысяч и восемьсот миль». Далее идут такие же точные цифровые данные о размерах зрачков божьих, его рук и пальцев на руках, его бороды и того венца, который надет на его голову. Основания к тому, чтобы выражать боговы параметры такими большими показателями, талмудисты усматривают в Ветхом завете, в частности в книге пророка Исаии, где богу приписывается такое заявление: «Небо — престол мой, и земля — подножие ног моих». Если для подножия, рассуждают талмудисты, богу требуется вся площадь земли, то, значит, подошвы его примерно равняются этой площади. А отсюда уже можно вывести и все другие данные...

Вообще сообщения о боге в Талмуде представляет собой верх странности. Бог Шехина в течение суток через каждые три часа пересаживается с трона на трон — с трона правосудия на трон милосердия и т. д. Он изучает Библию вместе с наиболее заслуженными и учеными раввинами, причем нередко они вступают в споры с ним по поводу толкования того или иного текста; но не всегда он оказывается правым, и в таких случаях чистосердечно признается в своей

ошибке. Бог иногда молится, причем надевает на лоб и на левую руку особые кубики с вложенной в них бумажкой, на которой написан молитвенный текст. Кому он молится — понять невозможно, ибо, казалось бы, он и есть самая высшая инстанция во Вселенной. Впрочем, над ним еще имеется некий ангел по имени Ми, который контролирует его распоряжения и иногда отменяет их. Географически он находится между небом и землей; такое местопребывание удобно для его деятельности: Ми может по своему усмотрению задерживать идущие на землю распоряжения бога и, наоборот, направленные с земли на небо молитвы людей.

В применении к такому богу какие могут быть разговоры не только о его духовности и бесплотности, но о его всемогуществе, всеведении и подобных еще, приписываемых ему чертах совершенства?!

В христианстве образ бога выглядит несколько утонченнее. Тем не менее и здесь есть чему подивиться, ибо не совпадает характеристика этого сверхъестественного персонажа с тем, как богословы стараются представлять бога верующему.

И в католических, и в православных христианских церквях настенная живопись и иконы изображают бога-отца представительным стариком с большой бородой, бога-сына — мужчиной лет тридцати с бородкой и волнистыми волосами. Третье лицо троицы — святой дух изображен голубем. Первое лицо троицы (бог-отец) восседает на небесном троне, второе лицо — бог-сын (Иисус Христос) — после своего воскресения занял место на другом троне по правую сторону первого. На православных иконах так и изображается эта пара богов, одетых в царские одежды, с коронами на головах. Между ними или на коленях у бога-отца сидит тот самый голубь — третье лицо бога, или, что вернее, третий бог.

Такое изображение бога опровергает его характе-

ристику как существа духовного и вездесущего. Поскольку он занимает определенное место в пространстве, его нет в других местах этого пространства; это значит, что бог совсем не вездесущ.

Если признать бога существующим везде, в любой точке мироздания, в любой клеточке бытия, то надо считать, что он фактически слит со всей Вселенной, что он растворен в природе. С религиозной точки зрения, такое признание означало бы зловреднейшую ересь — пантеизм, т. е. такое учение, которое считает природу и бога одной и той же сущностью: бог, т. е. природа. При таком понимании пропадает понятие бога как личности, существующей вне природы и над ней. А когда религия настаивает на том, что бог есть личное существо, то не приходится говорить о его вездесущии. Это противоречие богословы никак преодолеть не могут.

В баптистских, как и вообще в протестантских, церквях нет иконописных изображений бога. Нередко на стене можно увидеть сделанную огромными буквами надпись: «Бог есть любовь!» Но такое определение бога входит в противоречие с основами религиозного учения, хотя фраза, приведенная выше, действительно содержится в Новом завете.

В богословии и идеалистической философии в последние десятилетия получила широкое распространение трактовка образа бога как продукта субъективного переживания человека. Вот, мол, моя душа ощущает бога, она встречается с ним, она чувствует и переживает его присутствие, и этого с меня достаточно. В дальнейшем мы остановимся на вопросе о религиозных чувствах и переживаниях. Конечно, сведение бога к субъективному переживанию человека устраняет грубое, вульгарно материальное представление о нем как телесном существе и этим как будто выводит религиозную идеологию из «неудобного» положения. Но возникает другое,

еще более тяжелое неудобство: бог как объективно существующая личность просто исчезает, растворяясь в переживаниях человека.

Умственные и нравственные свойства бога. По религиозному учению, бог — верх совершенства и по своему интеллектуальному и моральному облику. Он абсолютно мудр, милостив, всеведущ, и нет ничего на свете в прошлом, настоящем и будущем, чего бы он не знал. Справедлив и, само собой разумеется, неподкупен, недоступен для каких бы то ни было попыток побудить его совершить несправедливость. А в свете того, что рассказывается о боге в «священных книгах» — Библии, Коране, все эти замечательные свойства бога никак не обнаруживаются.

Создавая мир в течение шести дней, говорится в Ветхом завете, бог все время выражал полное удовольствие от своих творений. А в завершение всего процесса творения «увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма».

По смыслу рассказа о творении мира все делалось для человека. А в конце концов оказалось, что человеку в созданном богом мире жить весьма неуютно. Для блага человека бог создал светила небесные, живые существа, растения. А для чего тогда сотворил он хищных зверей, гнусных насекомых, болезнетворных микробов? Доставляют ли человеку большое удовольствие землетрясения, наводнения, извержения вулканов, эпидемии чумы и холеры, всякие прочие напасти, никак не укладывающиеся в характеристику «хорошо весьма»? А ведь еще на земле существует зло социальное — эксплуатация человека человеком, нищета, голод, войны. Вначале, как рассказывает Библия, этого не наблюдалось, ибо первые люди жили беззаботно в земном раю. Но потом они ослушались божьей воли, совер-

шили «грехопадение» и, изгнанные из рая, были обречены на ту, полную всяких страданий жизнь, которую они ведут и до сих пор.

Объяснение, которое религия дает факту изобилия на земле зла и страданий, опрокидывает все, что она же говорит о совершенстве бога. Будучи всеведущим и всемилостивым и, разумеется, благожелательным по отношению к созданному им человеку, бог поместил его в такие условия, где он (а всеведущий бог это безусловно должен был предвидеть) нарушил его волю и навлек на себя крупные неприятности. Зная все это заранее, бог все-таки не создал благоприятные условия для жизни людей. Он даже посадил к обитателям рая соблазнитель-змия, говорившего на человеческом языке, т. е. по существу подстроил разыгравшуюся потом трагедию. Одно из двух: надо признать, что бог либо не знал того, что произойдет, и это получилось вопреки его воле, либо он запланировал то, что произошло. При первом решении подрубается под корень учение о всеведении и всемогуществе бога, при втором то же происходит с учением о его всеблажности и абсолютном милосердии.

Милосердие бога также не выдерживает критики. За примерами ходить недалеко. Грех Адама и Евы выразился в том, что они съели запретный плод (яблоко?).

Если допустить, что послушание бога даже по незначительному поводу (яблочко!) есть страшный и непростительный грех, то можно понять, что наказанию за него должны подвергнуться согрешившие — в данном случае два человека, хотя всемилостивый судья мог бы и простить им это «преступление». Но наказанными оказались не только они, а и все их потомство до нашего времени включительно. Подумать только: в течение ряда тысячелетий миллионы и миллиарды людей претер-

певают все мучения из-за того, что когда-то два человека съели запретный плод.

Чуть ли не каждое деяние божье, изображенное в Библии, характеризует его как существо яростно-жестокое, коварное, злобное и, по существу, слабое. Вот он увидел, что потомки созданных им и изгнанных из рая людей недостойно ведут себя. Казалось бы, что стоит всемогущему пробудить в них самые лучшие чувства и намерения, мановением руки перевоспитав грешников и превратив их в праведников? Но вместо этого милосердный бог принимает другое решение: истребить! И на человечество по божьему приказу обрушиваются воды всемирного потопа. Потом, правда, как рассказывается тут же в Библии, Всесовершенный одумался и дал честное слово, что впредь так не поступит. Оказывается, что, как и созданные им совсем не совершенные существа — люди, он может ошибаться и потом раскаиваться в своей ошибке. А ошибка-то по своим масштабам стоила жизни всему человечеству, за исключением семьи праведника Ноя...

Противоречиво выглядит учение о боге в новозаветной части Библии. Бог-отец примерно совпадает с ветхозаветным Яхве. Но здесь фигурирует еще и бог-сын. Это не просто бог, а богочеловек по имени Иисус, по прозванию Христос. Он рождается на земле, как человек, живет несколько десятков лет, потом подвергается преследованиям и погибает, после чего воскресает и возносится на небо. Там Иисус продолжает свое существование уже не богочеловеком, а чистым богом. В чем смысл земного существования бога?

Ответ на этот вопрос выглядит примерно так. Бог-отец решил принести жертву, чтобы искупить пресловутый первородный грех Адама и Евы. Именно в качестве такой жертвы использовал своего сына. Здесь встает много недоуменных вопросов. Кому

Вседержитель мира принес жертву? Себе самому или своему извечному противнику сатане? И то и другое решение выглядит лишенным элементарного смысла. Откуда у бога потомок? В основном вероисповедном документе христианства («Символ веры») Христос именуется «от Отца рожденным прежде всех век». Значит, когда-то он родился, но случилось это «прежде всех век», вне времени, в вечности. Понять здесь что-либо совершенно невозможно, но церковь требует, чтобы в такого бога верили без попыток понять его.

А почему? Так должен спросить себя всякий думающий человек. Оснований к этому нет никаких, как и оснований верить в реальное существование Яхве, Аллаха, Зевса, Юпитера, африканского Ункулункулу, древнемексиканского Вицлипуцли.

Боги современных «высших» религий живут на небесах, — это много раз утверждается в молитвах, в писаниях старых богословов (например, христианских «отцов церкви»), в так называемых священных книгах. Но старинные представления о небе как некоем реальном месте в пространстве, как сооружении, состоящем из ряда этажей, на самом верхнем из которых обитает бог со своей свитой, — все эти представления полностью отжили свой век и выглядят абсолютно несостоятельными в свете данных современной астрономии и космологии. Никакой небесной тверди не существует, и негде размещаться богам и ангелам.

Кстати, об ангелах. Эти младшие боги представляются религиозной фантазией чаще всего в виде симпатичных младенцев или красивых юношей, летающих по поручениям главного бога по всей Вселенной. Как известно, для полета нужны крылья. Вот ангелы и изображаются на иконах и в настенной живописи, на многочисленных картинах и в

скульптурах художников с крыльями. И в их существование тоже надо верить...

Современные теологи несколько сконфуженно рассматривают все эти сюжеты. Уж очень примитивно выглядят боги всех религий! И с небесной твердью тоже получается как-то... ну, скажем, неубедительно, как и со многим другим, о чем повествуется в Библии, Коране и других «непогрешимых», т. е. которые не могут содержать в себе никаких заблуждений, произведений божественного разума. Напомним хотя бы о сотворении мира за шесть дней, о вращении Солнца вокруг Земли и т. д. Как же все это оправдать и удержать в качестве объекта непреложной веры?

Казалось бы, дело ясное. В период детства человеческого рода сознание людей, как и их материальная культура — орудия производства, жилища, предметы быта, находилось на таком уровне развития, который обуславливал бесконтрольную работу фантазии. А она порождала примитивные, действительно фантастические образы и представления. Бог как «чудовищное позвоночное» (так назвал этот образ великий физик Эйнштейн), его удивительно, на наш взгляд, низкие умственные и моральные черты, условия его жизни в небесных чертогах — для своего времени такие представления были закономерны и для людей того времени приемлемы. Современный же человек может рассматривать их лишь как вчерашний день сознания, отказываясь тем самым от веры в эти фантастические и детски примитивные сюжеты. Но это значит отказаться от религии! И приходится ее защитникам всячески изощряться...

Надо, говорят они, все, чему учит религия о боге и богах, понимать не в прямом смысле, а иносказательно, аллегорически, символически. Если сказано «небесная твердь», то надо понимать под этим не твердый потолок мироздания, а просто мировое про-

В так называемых
высших религиях
сохранилось много
пережитков первобытных
стадий ее развития,

когда боги представлялись
в виде животных.
Православная икона
св. Христофора
с собачьей головой.

странство. Если говорится о божовых руках и ногах, то здесь подразумевается его могущество. Глаза божьи означают лишь его всеведение. При желании можно найти возвышенное толкование и для бороды господа, и для трона, на котором он сидит. Непонятно только, зачем зашифровывали от людей божественную истину, запутывали их, чтобы впоследствии они гадали и спорили: действительно ли бог одно время сидел в деревянном ящике-ковчеге, а потом посещал гору Синай и в конце концов поднялся на небо и там уже поселился окончательно?

Современным богословам и защитникам религии приходится все чаще прибегать к всевозможным ухищрениям в попытках благовидного истолкования религиозной фантастики. Все меньше становится в наше время людей, готовых верить в истинность примитивных и фантастических представлений о бoге и бoгах. Явная несостоятельность этих представлений в свете современного развития науки и техники, в свете социального опыта современного человека выглядит все более очевидной.

О вере в загробную жизнь. Подавляющее большинство религий внушают веру в загробную жизнь. После смерти человек якобы продолжает жить в некоем «потустороннем» мире. Имеется в виду, что живет не сам человек, а лишь пребывающая в его теле «душа».

Этот взгляд основан на представлении, по которому человек состоит из двух сущностей — тела и души. Душа может выходить из тела и возвращаться в него. У многих народов существует поверье, что она

покидает его на время сна, чем и определяется неподвижное и вроде бы безжизненное состояние человека в это время; верующий обращается к богу перед сном с молитвой, с которой передает ему свою душу на ночное хранение, а проснувшись, благодарит за то, что тот вернул ее в неповрежденном виде. Некоторые народности считают, что причиной болезни человека является уход души из тела, а ее возврат приводит к выздоровлению. Но уж если она не возвращается, то человеку приходит конец.

Описание загробной жизни в разных религиях многообразно по своим деталям, но в главном более или менее одинаково. Считается, что после смерти человек на том свете несет ответственность за то, как он прожил на земле. В разных формах описывается своего рода судебный процесс, на котором в зависимости от характера вынесенного приговора определяется загробная судьба человека. Кто оказывается не в состоянии оправдаться, тот обрекается на адские мучения; счастливы же, которым удастся доказать свою праведность, получают возможность бесконечное время в дальнейшем наслаждаться благами рая.

В старой религиозной литературе как адские наказания, так и райские блаженства описываются в грубо материальных телесных чертах. Грешников в аду мучают при помощи огня, холода, зловония, отвратительной пищи, всевозможных изощренных пыток; главным средством мучительства является огонь в самых разных его видах — кипячение в котлах с расплавленной смолой, лизание раскаленных металлических предметов и т. д. Праведники же в раю едят самые вкусные кушанья, пьют изысканные вина, наслаждаются прекраснейшей музыкой, живут в роскошных дворцах, а самое высшее удовольствие заключается для них в том, что они непрестанно (даже если закрывают глаза) видят бога.

Современные богословы пытаются и здесь найти какие-то возможности «облагородить», сделать более тонкими эти грубо фантастические представления об аде и рае. Не редкость теперь прочитать в религиозной литературе, что рай и ад не какие-то определенные места во Вселенной, где происходит физическое возмездие и воздаяние грешникам и праведникам, а просто состояние душ умерших: грешники переживают адски-тяжелое состояние духа, они терзаются угрызениями совести по поводу совершенных ими при жизни смертных грехов, они очень тяжело переживают свое удаление от бога. Праведники же наслаждаются самым сознанием своего совершенства и постоянным лицезрением бога. Оснований к тому, чтобы именно так «утонченно» толковать религиозное учение об аде и рае, не существует, это все потуги в стремлении сохранить для религии в условиях ее безысходного кризиса все, что еще можно спасти. И понятно, почему приходится современным богословам идти на всякие казуистические выверты.

Если принимать учение об аде и рае таким, каким оно проповедуется религией, то при малейшей попытке критического разбора раскрывается его полная несостоятельность. Человек умер и, как говорит религия, на тот свет попала только бесплотная душа. А она, разумеется, не может испытывать ни мучений, ни удовольствий. Правда, чтобы до конца разобраться в данном вопросе, надо еще иметь в виду религиозное учение о всеобщем воскресении.

Как христианство, так и иудаизм и ислам требуют верить в то, что когда-нибудь наступит конец мира (светопреставление). Тогда оживут все существовавшие на земле люди и предстанут перед последним судом (страшный суд). Здесь уже явятся не души, а люди с душой и телом. Приговоры, вынесенные на страшном суде, будут окончательными и на веки

веков определяют судьбу бывших покойников. При этом отпадает трудность, связанная с тем, что телесные мучения и удовольствия не могут испытываться бестелесными душами. Адский огонь поглотит людей с телом и душой.

Зачем, собственно, богу надо прибегать к процедуре суда? Чтобы выяснить, виновны ли обвиняемые и в какой именно степени они виновны? А разве вездесущий этого не знает? Да и сама процедура страшного суда, как она описана в старой богословской литературе, выглядит, по крайней мере, странно.

Важнейшую роль во всем ходе страшного суда и в дальнейшей судьбе «обвиняемых» на нем играет дьявол со всей армией подчиненных ему бесов. Он предъявляет Христу, занимающему место главного судьи, обвинительный акт по поводу каждого человека, представшего перед судом, — список когда-либо совершенных им грехов. Тут же присутствует богородица — мать Христа. Она выполняет роль адвоката и выступает в защиту каждого обвиняемого, стараясь добиться смягчения его участи. А если, несмотря на ее заступничество, приговор выносится, то бесы по команде своего главы — дьявола — хватают осужденного и сбрасывают его в «преисподнюю», в подземное пространство, где размещен ад. Там его ждут другие бесы, которые тут же начинают терзать приговоренного. Начинают, но никогда не кончают, ибо адские муки, как утверждает христианская церковь, вечны.

Но позвольте, может спросить читатель, если человек должен мучиться вечно, то он для этого и жить должен вечно! Да, именно так и гласит религиозное учение. Бог дарует человеку бессмертие, вечную жизнь для того, чтобы иметь возможность вечно мучить его. Он располагает несравненно большими возможностями, чем любой палач, даже самый жестокий. Человек, подвергаемый всяким мучениям

земными средствами, может умереть в результате истязаний или по другим причинам и тем избавиться от страданий. Смертная казнь тоже означает их прекращение. Но бог настолько милосерден, что не дает умереть осужденному, и если, например, человек непрестанно горит в адском огне, то он не сгорает, а сгоревшая его кожа, как учат мусульманские источники, десятки раз в любую единицу времени восстанавливается для того, чтобы человек мог продолжать испытывать на себе божье «милосердие».

Когда некоторые «отцы церкви» в христианстве попытались в свое время отстаивать положение о том, что в конце концов бог помилует всех грешников, после того, конечно, как они отбудут неизмеримо колоссальные сроки адских наказаний, эти взгляды были признаны церковью еретическими: никакого-де прощения не может быть!

В евангелиях рассказывается, что однажды у Иисуса спросили, сколько раз можно прощать обидчику его действия, и выразили при этом предположение: может быть, до семи раз? Богочеловек ответил, что до семижды семидесяти. Сам же бог ничего не прощает и потрясает своей жестокостью.

По всем данным, подавляющее большинство людей, которые должны предстать перед страшным судом, будут осуждены, и лишь небольшое количество оправдано. Если так, то возникает вопрос: к чему вообще бог сотворил мир и человека? Светопреставление и страшный суд, по религиозному учению, — окончательное завершение всего мирового исторического процесса. Кончится вся история человечества тем, что большинство сотворенных всемилостивым (?) богом людей подвергнутся вечным мучениям. Впрочем, говорить здесь о конце трудно, ибо мучения задуманы вечными. И тут никуда не денешься от заключения: если деятельность бога именно такова, как ее изображает религия, то в ней явно нет никакого

смысла. Заодно нет смысла и в существовании всего того бесчисленного количества ангелов и бесов, которые подвластны богу.

Помимо веры в сверхъестественные существа — бога и богов — религиозная идеология включает в себя веру и в сверхъестественные явления.

Естественное и сверхъестественное. Вот вы, читатель, попросили свою бабушку пришить пуговицу к рубашке, которая надета на вас. А она может попросить вас снять рубашку, иначе «зашьется» память. Пуговица, рубашка, нитки, иголка, память — все это естественные предметы и явления, но суеверная фантазия домысливает сверхъестественные связи между ними. На самом деле, какая связь между пуговицей и памятью?! Таких примеров можно привести огромное количество. На такого рода представлениях основаны всевозможные суеверные приметы, с ними связана практика гаданий, религиозных пророчеств, заговоров и заклинаний. Проповедник и защитник религии запротестует против такой постановки вопроса. Он скажет: вы приводите факты, относящиеся не к религии, а к суевериям, смешивая то и другое. Такие протесты безосновательны.

Если исходить из этимологической стороны дела, то речь идет о «вере всеу», пустой, «суетной», не имеющей под собой оснований. Она существует в разных формах. Конечно, между фантастическими верованиями, которые проповедуются христианством, иудаизмом и исламом, и теми представлениями, которые обычно именуются суевериями, есть разница. Но есть и общее.

Если собака завоюет перед домом, если солома пристала к хвосту курицы, если филин сядет на крышу дома и будет кричать, то, как гласят распространенные поверья, в данном доме надо ждать несчастья (у англичан, кстати сказать, считается, что, наобо-

рот, — к добру). Если едешь на первую вспашку в поле и встретишь, например, прохожего с пустым ведром, жди неурожая. Во всех этих примерах общее заключается в том, что естественные явления фантазия соединяет сверхъестественными связями, не существующими в действительности.

Есть ли подобные верования в религиях? Очень много. В самой основе религиозного мировоззрения лежит идея связи естественных вещей и явлений через сверхъестественное начало — через бога. Но и в многочисленных отдельных эпизодах, о которых рассказывается в «священных книгах», эта идея выражена достаточно ярко.

Рассказывается, например, в Библии о богатыре Самсоне, отличавшемся колоссальной силой. Чтобы лишить его этой силы, враги-филистимляне состригли его длинные волосы, после чего он стал обыкновенным человеком, которого ничего не стоило связать, ослепить и выставить в храме на всеобщее посмеище. Богатырь оставался бессильным до тех пор, пока у него не отросли волосы. В данном случае сила богатыря заключалась в его волосах. Понятно, что это связь сверхъестественная, фантастичная.

Другой пример — из области христианского культа. Мажут человеку лоб, глаза, уши растительным маслом особого состава (елей) и считают, что таким образом ему передается некая таинственная сверхъестественная благодать.

Представления о возможности сверхъестественных явлений связаны с верой в чудеса. Миру сверхъестественного законы природы не писаны. К примеру, основатель мусульманской религии Мохаммед мог за одну ночь на некоей диковинной кобыле проскакать из Мекки в Иерусалим и вернуться обратно, а дьявол Асмодей вместе со своей возлюбленной — за несколько секунд добраться до звезды Сириус. В мире сверхъестественного Иисус Христос

не только сам воскресает на третий день после своей смерти, но и при жизни оживляет давно умершего Лазаря. Вся история сотворения мира богом в течение шести дней представляет собой набор невообразимых чудес. Там, правда, создатель оперировал лишь словом. «Да будет» то или другое: свет, небесные светила, земля, животные, — и все тут же осуществлялось. Нечто подобное мы видим и в сказке, где все происходит «по щучьему велению, по моему хотению». Есть, однако, в данном случае существенная разница: в реальность того, о чем рассказывается в сказке, никто не верит, а истинность мифов и легенд, проповедуемых религией, церковь требует признавать.

Слова «чудо», «чудесное» применяются в разных смыслах. Иногда мы говорим о чем-нибудь, что это «просто чудесно» или «чудо», как это хорошо!». Но такое применение этого слова не имеет никакого отношения к религии. В религиозном смысле чудо означает сверхъестественное событие, связанное с нарушением законов природы, лежащее вне пределов естественного. Это и есть основной признак религиозного верования — представление о реальности сверхъестественного мира. Мир в сознании верующего человека как бы раздваивается: с одной стороны, реальность, действительные, на самом деле существующие вещи и явления, развивающиеся по объективным законам природы и общества; с другой стороны, порожденные религиозной фантазией призраки.

Почему же все-таки религиозные верования, утверждающие существование несуществующего, держатся в сознании многих людей? Причин здесь много, и мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, разберем только одну его сторону — каким образом религиозные представления поддерживаются эмоциональной стороной человеческого сознания, переживаниями, чувствами, настроениями.

Религиозные переживания

Если бы религия являлась лишь совокупностью некоторых положений, представлений и учений, она не могла бы не только существовать, но даже возникнуть, ибо как теория она опровергается практикой и разумом человека буквально на каждом шагу.

Выдающийся французский этнограф и философ Л. Леви-Брюль называл «мистическое», т. е. религиозное, мышление дологическим и алогическим, не повинующимся законам логики. Основную причину такого его характера он усматривал во власти эмоциональной стороны человеческого сознания. Леви-Брюль относил эту характеристику к мышлению первобытного человека, и в этом он ошибался. На наш взгляд, значение имеет характеристика религиозно-мистического сознания, как в известной мере недоступного для логики.

Что побуждает верующего человека в наше время не обращать внимания на явную противоречивость его взглядов и упорно настаивать на том, что они истинны? Немалую или, может быть, даже главную роль играет здесь влияние эмоциональных переживаний.

Защитники религии любят оперировать термином «религиозное чувство». Под ним они подразумевают некое, в принципе отличающееся от всех других чувство, соединяющее якобы человека со сверхъестественным миром, и прежде всего с богом. Научная психология не признает существования такого чувства. Она рассматривает религиозные переживания как реальные человеческие эмоции, получающие у верующего человека особую направленность — к сверхъ-

естественному, к богу, к загробной жизни, к чудесам и прочим религиозным сюжетам.

Что это за эмоции, порождающие и поддерживающие такое состояние сознания человека?

Страх. На первое место здесь надо поставить чувство страха. Еще античный мыслитель Стаций сказал, что «страх породил богов». Многочисленные наблюдения этнографов над первобытными племенами, как и исследование религиозной психологии верующего на разных этапах истории религии, подтвердили правильность этого изречения.

Вот что писал знаменитый немецкий врач-гуманист и исследователь Альберт Швейцер на основании своих наблюдений над племенами Габона в Африке: «Фетишизм (одна из самых первоначальных форм религии.— *И. К.*) родился у первобытного человека из чувства страха. Первобытный человек хочет обладать талисманом против злых духов природы или покойников, против злой силы себе подобных. Он приписывает эту защитную, предохранительную силу некоторым предметам, которые он носит на себе или с собой». Другой исследователь — Визн так характеризует психику африканского племени багунде: «Эти бедные чернокожие живут во власти закона страха — страха болезни, страха несчастия, страха смерти, страха всех тех зол, которые причиняются либо преступными людьми (балози или колдунами), либо духами (базиму)». Очень выразительное описание такого психологического состояния у народа, живущего на Крайнем Севере, — у эскимосов сделал известный норвежский этнограф и путешественник Кнуд Расмуссен.

Он беседовал с эскимосским шаманом Ауа, который на вопрос о том, во что веруют эскимосы, ответил: «Мы не верим, мы боимся... Мы боимся духов мертвых, как и духов животных, которых мы убили...

Мы боимся всего, что видим вокруг себя. Мы боимся всех невидимых вещей, которые тоже нас окружают». В «высших» религиях чувство страха играет не меньшую роль.

Чтобы укреплять веру, в сочинениях «отцов церкви», богословов и проповедников содержится большое количество таких наставлений, которые вызывают у верующего чувство страха. Знаменитый Августин Блаженный так запугивал своих читателей: «Каких только бесчисленных несчастий не надлежит человеку опасаться извне: от жары и холода, бурь, ливней, наводнений, метеоров, зарниц, грома, грозы, молнии, землетрясений и обвалов, от толчков и испуга или злобы рабочего скота, от многочисленных ядовитых трав, от вод, воздушных течений и животных, от опасных или даже смертельных укусов хищных зверей, от бешеных собак? Какие беды приходится испытывать во время морского путешествия, какие беды на сухопутье? Можно ли сделать хоть один шаг, не подвергаясь неожиданным несчастным случаям?.. Что может быть безопаснее, чем сидеть на месте? И все же священник Элий упал со стула и от этого умер». Такую же «энциклопедию страха» использовал впоследствии один из деятелей Реформации — Жан Кальвин: «Взойди на корабль — ты окажешься лишь на шаг от смерти. Сядь на лошадь — она оступилась, и твоя жизнь в опасности. Пройдись по улицам города — сколько черепиц на крыше, стольким же смертельным опасностям ты подвергаешь себя и т. д. Что может быть, следовательно, более жалким, чем жизнь человеческая?»

Страдания, опасности и бедствия, составляющие удел человека, имеют, как учат христианство и многие другие современные религии, свой источник не в ком ином, как во всеблагом и всемилостивом боге, без воли которого, как учит Библия, не может упасть ни один волос с головы человеческой. И если, скажем,

ты подвергся нападению хищных зверей и стал жертвой этого нападения, то ты должен помнить, что зверей этих создал бог в такой-то день творения и что, следовательно, те клыки хищников, которые тебя загрызли, принадлежат самому богу. Но все это мелочь по сравнению с тем, какой «страх божий» надо испытывать в предвидении адских мучений. Как и в первобытных верованиях, в религиях классовых обществ чувство страха действует с большой силой.

На заре существования общества человек боялся враждебных ему и непонятных сил природы (бури и землетрясения, нападения хищных зверей, голод и холод). Но уже и на этой стадии приходится также бояться себе подобных. С разделением же общества на классы вступают в силу еще более мощные факторы, осложняющие жизнь людей. Начинает действовать классовая эксплуатация, организованная власть одних людей над другими, колоссальных масштабов войны, нищета и голодание многих миллионов людей. Есть чего бояться человеку и в доклассовом, и в классовом обществе!

В социалистическом обществе человек свободен от ряда факторов, способных порождать чувство страха и некоторые другие отрицательные эмоции: он не боится стать безработным, оказаться бесприютным, без медицинской помощи, без возможности получить образование и т. д. Тем не менее существуют некоторые ситуации, которые могут порождать у человека любой общественной формации неприятные (отрицательные) эмоции, в том числе страх.

Особо важное место среди явлений, вызывающих у человека страх, занимает смерть. В разные исторические эпохи, в разных социальных и возрастных группах, у разных личностей страх смерти может выражаться по-разному, но в той или иной степени и форме он присущ всем. И помимо сознания того, что мне-де предстоит умереть, человека, не имеющего

твердых научно-материалистических убеждений, волнует вопрос: что станет со мной после смерти? Как и куда я попаду, что почувствую и переживу там? Опасение того неведомого, чего может ожидать человек после смерти, усиливает переживаемый им страх. В возникновении религиозных верований страх смерти имел настолько большое значение, что существует даже теория, по которой он являлся основной причиной их появления. Сама по себе эта теория односторонняя и, следовательно, неправильная. Но нельзя отрицать того, что страх смерти, как и все прочие страхи, играет свою роль в возникновении религиозных представлений и верований и в их дальнейшей живучести.

Надежда. Страх может порождать и ряд других эмоций. На первом месте здесь эмоция надежды. Человек боится и в то же время надеется: авось минует меня эта опасность, может быть, мне удастся убить того зверя, который на меня нападет.

Когда складывается в том или ином отношении безнадежное положение, при котором, как говорится, может помочь только чудо, у человека иногда появляется надежда именно на него: вдруг умирающий начнет выздоравливать, вдруг нищий найдет в собственном кармане кошелек с деньгами, вдруг парализованные ноги начнут ходить... В силу естественных закономерностей это произойти не может, а если захотят сверхъестественные существа, им ничего не стоит это сделать, совершив чудо.

Надежда на чудо создает у человека особо экзальтированное эмоциональное состояние. Он трепетно ждет его, жаждет свершения и в то же время опасается: состоится ли? Этот сложный комплекс напряженных переживаний пронизан одной стержневой мыслью: надо верить и не сомневаться, надо полностью предать себя в руки божества.

А если уж надежды в этом мире не сбываются, то остается все же вера в жизнь потустороннюю, загробную. Хочется думать обездоленному человеку: в этой жизни тебе плохо и лучше не станет, но это даже хорошо, ибо за страдания на земле ты получишь воздаяние на небе. Сказано же в евангелии: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». И если человек бессилен в борьбе против обижающих и грабящих его других людей, то сладкое ощущение надежды могут вызвать у него посулы евангелия: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...» Другое дело — что никакой загробной жизни не существует, что никаких таких небес нет. Но отчаявшийся надеется на то, что проповедуемое религией истинно.

Надежда на загробную жизнь не имеет под собой никаких оснований прежде всего потому, что все данные естествознания решительно опровергают представление о «жизни после жизни». Да и сама по себе такая надежда внутренне противоречива и не логична.

Как учит религия, на том свете имеется не только рай, но и ад. Куда попадет тот или иной конкретный человек, неизвестно. Говорится только, что «много званых, а мало избранных», и из писаний всяческих «отцов церкви» явствует, что лишь ничтожное меньшинство сподобится райских наслаждений. Каковы же основания для надежды у человека? Не предстоит ли ему, наоборот, куда более печальная судьба, чем та, которую он претерпевает в своей земной жизни?!

При всем этом надежда на загробное будущее дает верующему человеку некое утешение. Пусть это лишь мнимое, иллюзорное утешение, но для слабого духом оно заманчиво и притягательно. Впрочем, вопрос об утешении имеет настолько важное значение для по-

нимания сути религиозных переживаний, что на нем следует остановиться особо.

Потребность в утешении. В истории человечества всегда было много зла и страданий. Отдельному индивидууму и целым социальным группам нередко приходилось сосредоточивать всю свою духовную жизнь на поисках утешения и использования таких приемов своей психической деятельности, которые дают это утешение.

Религия предоставляет в этом отношении большие возможности. Она разворачивает перед верующим целую систему образов, соображений, аргументов, которые побуждают человека думать, что ему не так уж плохо. Действует при этом удивительно изощренная и парадоксальная софистика. Да, говорит верующему религиозное учение, ты страдаешь, но это на самом деле хорошо, ты должен радоваться тому, что тебе плохо. Значит, так хочет бог, ему виднее, что для тебя лучше; есть у него высшие соображения, которых ты не знаешь. В конце концов все будет хорошо, а за свои страдания ты получишь воздаяние. И главное, это не просто рассуждения, это не просто логические умозаключения, а обращение к эмоциональной сфере человеческого сознания, к непосредственным переживаниям.

В сознании человека возникают мысли о боге и его промысле, о молитве, которая может спасти; и тут же могут начать складываться горячие мольбы-молитвы: спаси, помилуй... Страдающему человеку не до того, чтобы разбираться в действительном смысле соответствующих идей, образов, слов, он просто хватается за них, как за якорь спасения. Накал эмоций, иступленная молитва! И наступает то, что со времен Аристотеля именуется катарсисом — очищением, освобождением, облегчением. Такая разрядка достигается и другими средствами.

Поплакал, например, человек и облегчил свое душевное состояние. Но в данном случае облегчение наступило в результате воздействия на сознание религиозных образов и представлений. Утешение дано здесь именно религией. И это не эпизодическое явление, не частный случай. Потребность в утешении и то удовлетворение, которое люди находят в религии, играют очень важную роль во всех религиозных переживаниях и в живучести самой религии.

А хорошо это или плохо, что человек в религиозных образах и в соответствующем поведении находит для себя утешение? Можно сказать: ему-то ведь от этого легче жить, пусть себе утешается!

Когда Г. В. Плеханову, известному русскому марксисту, однажды сказали, что религия помогает человеку жить, как костыль помогает ходить, он ответил: «Но ведь костыль нужен инвалиду, а здоровому он не нужен!»

Над этим ответом стоит подумать. По своему активному влиянию на судьбы людей религиозное утешение вредно и реакционно. Когда К. Маркс характеризовал религию как опиум народа, он имел в виду в значительной мере именно эту сторону вопроса.

Если люди, сталкиваясь с трудностями, вместо того чтобы мужественно бороться с ними, сникают, возлагая надежды на потустороннюю помощь и утешая себя этими надеждами, то они теряют шансы на реальное улучшение своего положения. Это относится не только к отдельным лицам, но и к социальным группам, классам, народам. Комментируя высказывание К. Маркса о религии как опиуме народа, В. И. Ленин характеризовал ее как «род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ». Речь идет о том, что, когда те или иные группировки трудящихся дают усыпить себя «утешительным» религиозным опиумом, они дейст-

вуют вопреки своим классовым интересам.

Религиозное утешение, т. е. преодоление душевного разлада с помощью молитвы, присутствие на богослужении, церковной исповеди, может привести только к психологической разрядке, которая в какой-то степени смягчает остроту переживаний, приглушает отрицательные эмоции, но не ликвидирует реального противоречия человека с действительностью.

Утешение действенно лишь тогда, когда нуждающийся в нем человек кроме чисто психологической разрядки получает реальное облегчение. Нужно, чтобы близкие, друзья, товарищи по работе, школьные товарищи проявили доброту, взяли на себя часть горестной ноши. Недаром говорят: разделенное горе — это полгоря. Утешить — значит активно помочь попавшему в беду человеку, подсказать ему или найти вместе с ним выход из создавшегося бедственного положения. Именно эту конкретную помощь, а не упование на несуществующие сверхъестественные силы, не уход от тягостной действительности в несбыточные надежды можно считать, в отличие от религиозного, настоящим, реальным человеческим утешением.

«Чувство твари». Если человек утешается религиозно-фантастическими измышлениями, вместо того чтобы занимать активную жизненную позицию и бороться за преодоление трудностей, он перестает верить в свои силы и, по существу, забывает о своем высоком человеческом предназначении. Человек ориентируется в этом положении на пассивное ожидание небесных милостей. А их надо вымаливать у бога и богоматери, у ангелов и святых угодников, у неведомых и несуществующих сил. Отсюда и типичная особенность сознания верующего человека — сознание своего бессилия.

Именно поэтому нередко сознание верующего

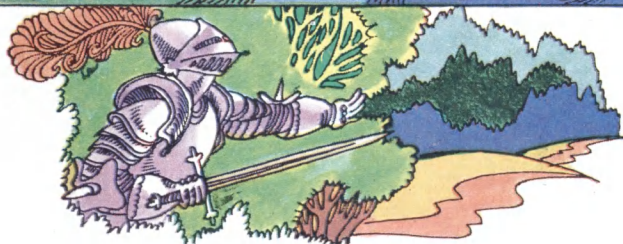

окрашено чувством самоуничижения. Известный немецкий протестантский богослов Р. Отто с одобрением говорит в этой связи о «чувстве твари», присущем мироощущению верующего. Рассматривая религию с противоположных позиций, как реакционное общественное явление, К. Маркс называл ее «вздохом угнетенной твари».

В вероисповедных документах христианства и других религий человек именуется рабом божьим. Церковь всячески поддерживает у человека именно такой взгляд на самого себя. Сам римский папа именуется в официальных документах «раб рабов божьих». Конечно, это вопиющее лицемерие, ибо трудно представить себе большую гордыню, чем та, которая характеризует позицию папы римского во всем его религиозном, жизненном и политическом поведении; ведь «раб рабов божьих» заодно считает себя «заместителем Христа на земле», наместником Непогрешимым. Но поза «раба рабов» достаточно показательна для характеристики того значения, которое церковь придает пропаганде самоуничижения.

Самоуничижение «твари» связано с превознесением бога, перед которым верующий чувствует себя ничтожным, с благоговением перед ним. Религиозная пропаганда изображает это чувство как возвышенное и благородное. На самом же деле благоговение перед богом противоположно чувству собственного достоинства.

Переживания, связанные с верой в бога, в состоянии вызвать у верующих и некоторые положительные эмоции — радость, умиление, восторг, экстаз. И в погоне за ними человек подчас жертвует своим умением критически мыслить. Хочется верить! Этот аргумент, будучи даже единственным, оказывается во многих случаях достаточно сильным, чтобы держать сознание человека в оковах религии.

Религиозная мораль

Отличие религиозной морали от нерелигиозной состоит прежде всего в том, что источник норм жизненного поведения она приписывает богу — именно он велит поступать так, а не иначе. И если не послушаешься его, то претерпишь после своей смерти адские муки, а за послушание пойдешь в рай.

На первый взгляд в этом элементе религии содержится нечто положительное и полезное для общества: она ведь требует от людей нравственного поведения, а не безнравственного! И если бы они выполняли ее предписания, жизнь на земле была бы мирной, хорошей, просто счастливой. Многие современные защитники религии выдвигают эту мысль на первый план, утверждая, что одно только наличие в религии предписаний нравственной жизни полностью оправдывает ее существование на всех ступенях истории общества, в частности теперь и в будущем. Но дело обстоит совсем по-другому.

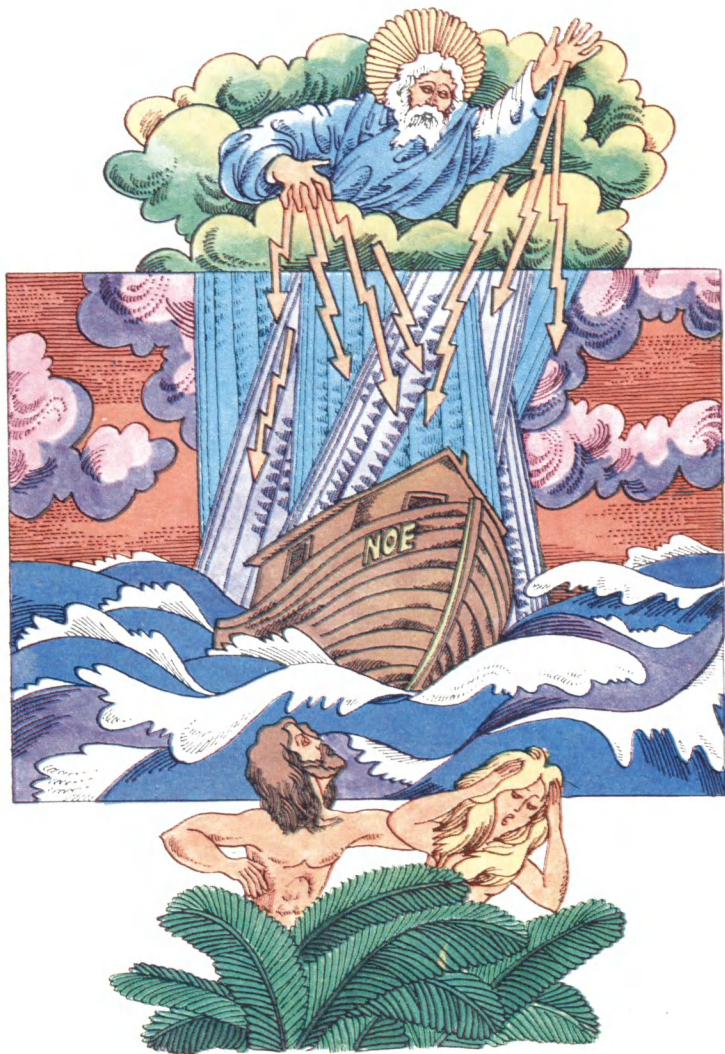
Будьте совершенны, как бог... В евангелии от Матфея Христос наставляет своих учеников: «Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». Вот, мол, вам образец, по которому надо равняться, — сам бог. Удивительно, однако, что этот идеал, каким он изображен в Библии, оказывается уж очень неприглядным. Ветхозаветный бог Яхве часто ошибается, и это влечет за собой катастрофические последствия. Такое изображение бога само по себе выглядит странным, ибо он по приписываемым ему свойствам всеведущ и ошибаться, следовательно, не может, иначе он вовсе не бог. Но оставим эту несуразность и обратим внимание на другую сторону вопроса.

В основе религии лежит
антинаучное
мировоззрение, ставящее
на место действительных
естественных законов

природы и общества такие
законы, которые
порождены
фантастическими
измышлениями.

Свои ошибки бог не искупает. Он заставляет людей платить за них, карая беспощадно и страшно. Вот, например, любопытное заявление, которое Ветхий завет приписывает всемилостивому богу: «Когда изостру сверкающий меч Мой... то отомщу врагам Моим и ненавидящим меня воздам; упою стрелы мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных...» Речь идет о «врагах» бога, которые его ненавидят. Но ведь по Библии именно он создал людей такими, какие они есть. А ему ведь, как всемогущему, ничего не стоило бы в единый миг внушить ненавистникам и врагам самые благие чувства и намерения, попросту перевоспитать их, вместо того чтобы истреблять.

Бог в изображении Библии не только жесток и коварен, но и тщеславен и обидчив. Он постоянно вспоминает о своей «славе» и иногда даже величает себя вместо «я» — «слава моя». Бог обижается, если ему, как он считает, не воздается достаточного почтения, в частности, когда в жертву ему приносятся недоброкачественные продукты. Вот, например, что он говорит в передаче пророка Малахии: «Сын чтит отца и раб — господина своего; если я — отец, то где почтение ко мне? И если я Господь, то где благоговение предо мною?.. Вы говорите: «Чем мы прославим имя твое?» Вы приносите на жертвенник мой нечистый хлеб... И когда приносите в жертву слепое (животное. — *И. К.*), не худо ли это? Или когда приносите хромое или больное, не худо ли это? Поднеси это твоему князю! Будет ли он доволен тобою и благосклонно ли примет тебя?» Интересно, что богословы не находят в этом заявлении тщеслав-

ного существа ничего компрометирующего образ бога. Напротив, они любят распространяться: мир-де бог создал для славы своей, он делает все для того, чтобы она возвеличивалась и заполняла собой Вселенную...

Словом, библейский образ бога не является идеалом нравственного совершенства. Возможно, по-другому выглядит Христос, изображенный в новозаветной части Библии? Ведь он тоже бог!

Христос предстает со страниц Библии существом кротким, мягким, милосердным. Проповедуя всеобщую любовь и всепрощение, он ратует за отказ от всякого насилия. Казалось бы, здесь-то и обнаруживается идеал для подражания. Стать совершенным, как бог Христос, — это, может быть, несколько более реально, чем ориентация на несуществующие совершенства бога-отца?

Однако при ближайшем знакомстве и этот образец оказывается совсем не совершенным.

В своих поучениях и поведении Христос обнаруживает удивительную непоследовательность. Мы уже знаем, что он проповедует непротивление злу и безропотное подставление другой щеки, когда бьют по одной. Но сам он ведет себя совсем по-другому. Увидев в Иерусалимском храме торговлю волами, овцами и голубями, а также менял, занимающихся денежными расчетами, Христос рассвирепел. «И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул». На непротивление и отказ от насилия это не похоже.

Христос решительно запрещает своим последователям ругаться. «Кто скажет, — говорит он, — брату своему: «рака» (пустой человек), подлежит синедриону (суду. — И. К.), а кто скажет «безумный», подлежит геене огненной». Сам же говорит своим ученикам: «Змии, порождения ехиднины! Отойти от меня, сатана!»

Свою проповедь Иисус Христос адресует людям, непрестанно угрожая загробными муками.

А как же с прощением до семижды семидесяти раз, рекомендованным Христом? Бог, оказывается, не прощает и одного раза. Правда, всегда можно надеяться на то, что, покайся и получив от священника отпущение грехов, человек избежит ада, даже если он совершил преступление. Но в том случае, если, например, внезапно по воле божьей человек умер и не успел сдать свои грехи священнику, то уж тут не взыщи, прощен не будешь. Есть, впрочем, еще возможность избежать ада: если оставшиеся в живых родственники станут возносить молитвы «за упокой души» умершего раба божьего такого-то — с обязательным указанием его имени. И если священник, получая за это деньги с родственников умершего, служит панихиды и другие заупокойные молебны, то бог может смилостивиться. Очень странное милосердие, обуславливаемое тем, что за человека ходатайствуют и пристают к богу с напоминанием о судьбе покойника!

Совершеннейшего и милосерднейшего бога следует постоянно умолять, чтобы он помиловал, в противном случае он всегда найдет, за что покарать человека или причинить ему неприятности и мучения. Так и представляешь себе жестокого и грозного чиновника, под страхом всяческих преследований требующего раболепства со стороны зависящих от него людей, а помимо того, и взятки. Бог тоже падок до взяток: в былые времена они давались ему непосредственно, в виде жертвоприношений, а теперь вручаются его служителям в качестве платы за «требы».

Заслуживает ли это существо, чтобы люди подражали ему в своем жизненном поведении?

Вспомним, однако, что религия дает верующим не только общий ориентир — на кого равняться в отношении своего морального облика, но и конкретные

указания, правила, нормы — как жить и вести себя, чтобы стать угодным богу. Рассмотрим некоторые из них.

Не убивай? Убивай! Одна из десяти библейских заповедей гласит: не убивай! Это выглядит гуманно и этично. Но с другой стороны...

Та же Библия переполнена проповедью кровавых расправ с людьми по самым разным поводам, за всякие проступки, иногда совершенно незначительные, а иногда и просто ни за что. Смертная казнь предписывается на каждом шагу. Рассказывается, например, о случае, когда некий человек в субботу собирал в горах топливо, т. е. нарушил божие предписание о соблюдении субботнего отдыха. По ветхозаветному закону за это полагается смертная казнь; приговор привели в исполнение. Отдавая распоряжения, бог приказывает то «истребить все дышащее», то вдруг оставить в живых девушек в качестве рабынь и наложниц. Можно ли это считать проявлением любви к ближнему?

Есть в Ветхом завете такое предписание: «Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти». И дальше дается указание, что за всякий ущерб, причиненный кому-либо, надо заплатить обидчику тем же: «перелом за перелом, око за око, зуб за зуб». В другом месте сказано еще выразительнее: «душу за душу, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». Это противоречит предписанию «не противиться злу». Можно найти, впрочем, оправдание этого противоречия в том, что насчет любви к ближнему и непротивления злу говорится в Новом завете, а относительно «око за око» — в Ветхом. И все-таки противоречие остается вопиющим. Ведь христианство считает своей священной книгой всю Библию, включающую как Ветхий,

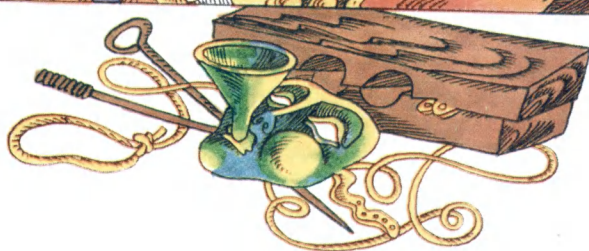
так и Новый завет. Значит, принимает и то и другое, совмещая несовместимое.

Да и сам Новый завет, включая евангелия, вовсе не так уж проникнут духом любви и всепрощения. Не надо воздавать злом за зло. Но не потому, что ты прощаешь нанесенную тебе обиду, а потому, что за тебя отомстит обидчику бог. «Не мстите за себя, возлюбленные,— говорит апостол Павел,— но дайте место гневу божью». И уж совсем непонятно выглядит дальнейшее: «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья». Можно было бы понять, если тебе за проявленное человеколюбие обещается награда, а вместо этого бог наказывает человека, которому ты помог.

Русскому писателю Леониду Андрееву принадлежит рассказ «Правила добра», весьма поучительный в отношении нашей темы.

Некий черт из ада по прозванию Носач решил покаяться и стать на путь добра. Он пришел к старому католическому священнику, открылся ему и стал просить научить его правилам добра, как вести себя в соответствии с религиозными нравственными предписаниями. Старенький простодушный священник стал руководить чертом в его благих намерениях. Дело оказалось, однако, исключительно трудным. Черт добросовестно и с радостью выполнял любое наставление своего учителя, но ничего хорошего из этого все-таки не получалось.

Оказалось, что любое христианское моральное предписание, которое наставник преподавал черту, настолько двусмысленно, неопределенно и противоречиво, что либо выполнить его невозможно, либо это выполнение приводит к абсурдным последствиям. Так, например, получилось с пресловутым правилом «не противься злу». В одном случае черт выполнил его, но случай вышел уж очень каверзный: грабители

За столетия	уничтожила
своего существования	в разных странах
католическая инквизиция	миллионы людей.

напали на женщину и убили ее и ребенка, которого она несла на руках. Выслушав рассказ черта, священник пришел в ужас. Он закричал:

«— Так что же ты! Так как же ты! Несчастный! Ты бы его палкой, палкой!

— Палку у меня раньше отняли.

— Ах, боже мой! Ведь ты же черт, ведь у тебя же есть рога! Ты бы его рогами, рогами! Ты бы его огнем серным! Ведь ты же, слава богу, черт!

— Не противься злему,— тихо сказал черт».

А вскоре священник показал ему, что осуждение убийства и вообще всякого зла, причиняемого человеку, противоречит самой христианской и особенно церковной практике. Он пригласил черта вместе с ним посмотреть, как еретика на костре сжигать будут.

— ...Пойдем с тобой, посмотрим, повеселимся.

Черту пришла на память заповедь «не убий», но он смолчал и отправился со своим наставником добра смотреть на казнь человека.

«Еретика долго жгли... Ничего не может понять обезумевший дьявол. А попик-то радуется, даже светится весь...»

Пришли домой. «Не выдержал черт и, насупившись, вступил в диспут:

— Хотел бы я знать, чему вы радуетесь, святой отец?

— А как же? Еретичка сожгли!— ответил попик тихо и умильно.

— Так ведь сказано же: не убий! А вы человека убили и радуетесь.

— Никто его не убивал, что ты, миленький!

- Да ведь сожгли же его или нет?
- Слава богу, сожгли, сожгли, миленький!»

Так и не мог разобраться несчастный черт в позиции церкви: можно убивать или нельзя? Да и во всех других вопросах христианской морали оказалось невозможным понять, чего, собственно, нельзя делать и что, наоборот, можно и даже рекомендуется. В конце концов священник засел за сочинение письменного наставления. Но вскоре умер, и черту пришлось самому разбираться в содержании написанного. «Какими же словами можно описать отчаяние и последний ужас несчастного дьявола, когда, подведя последние итоги, не только не нашел в них ожидаемых твердых правил, а, наоборот, и последние утратил в смуте жесточайших противоречий. Подумать только, какие оказались итоги:

когда надо,— не убий; а когда надо,— убий;

когда надо,— скажи правду; а когда надо,— солги; когда надо,— отдай; а когда надо,— сам возьми, даже отними...

И так до самого конца: когда надо..., а когда,— наоборот. Не было, кажется, ни одного действия, строго предписанного попоком, которое через несколько страниц не встречало бы действия противоположного, столь же строго предначертанного к исполнению».

Так оно и есть в любой религии. Каждая из них запрещает многое делать, но она же это и разрешает, и даже подчас благословляет на это. По терминологии научной дисциплины, которая называется этикой, для такой морали применяется обозначение: этический релятивизм. Смысл его в том, что все моральные предписания признаются относительными, релятивными, не имеющими всеобщего и обязательного значения. Наиболее яркий пример этического релятивизма — учение, созданное руководителями и теоретиками католического монашеского ордена иезуитов.

Этот орден, возникший в середине XVI в., провозгласил принцип «цель оправдывает средства». Поскольку же своей целью иезуиты раз и навсегда признали «наибольшую славу божью», а в переводе на язык реальности — могущество католической церкви, то для достижения этого могущества они применяли убийства, шпионаж, всевозможные политические и прочие интриги. Само выражение «иезуитская мораль» стало обозначать аморализм, прикрываемый лицемерными фразами.

Не во всех религиях и вероисповеданиях этический релятивизм выражен с такой яркостью, как в теории и практике иезуитского ордена. Но во всех религиях эта нравственная беспринципность в той или иной мере имеется.

В чем истоки противоречивости и многоликости религиозной морали?

Действительная основа морали. По сути дела особой религиозной морали не существует. То, что религия выдает за проповедуемую ею мораль, есть лишь идеологическая форма, в которой находит свое выражение действительная мораль, как общественное явление. Поясним это общее и на первый взгляд малопонятное положение.

В человеческом обществе существуют определенные взаимоотношения между людьми. Они выражаются соответствующими правилами поведения. Если бы никакими правилами не регулировались отношения отдельных людей друг к другу и отношение каждого из них к обществу, коллективу, к роду или племени, к народу, к собственной семье и ее членам, то совместная жизнь людей была бы невозможна, как и существование самого общества. Поэтому еще на заре истории каждый человек, родившись на свет, заставлял уже признанные нравы и правила

поведения, соблюдение которых составляло мораль, принятую в данном обществе.

В ходе истории нормы нравственности менялись в зависимости от того, как складывались отношения между людьми. С разделением общества на классы мораль тоже приобрела классовый характер. До этого нормы нравственности были более или менее едиными для каждого данного общества. Теперь же формировавшиеся общественные классы постепенно вырабатывали и свои нормы нравственности, выгодные для каждого из них и вытекавшие из его интересов. В дальнейшем эти нормы продолжали меняться в соответствии с тем, как менялось устройство общества. У рабовладельцев складывалась своя мораль, у феодалов-крепостников — своя, у капиталистов — своя. Господствующими в обществе моральными представлениями были представления господствующего класса. Но угнетенные формировали, хранили и соблюдали свои собственные моральные нормы, нередко противоречащие тем, которые признавались эксплуататорами и проповедовались их идеологами. Учитывая все это, нельзя не видеть, насколько сложна и даже запутанна вся картина истории нравственного развития человечества.

Моральные предписания вытекали из потребностей и обстоятельств реальной жизни людей, но сама она порождала противоречивые явления и тенденции. Интересы одних классов и групп не отвечали интересам других, таким же несоответствующим было выражение этих интересов в морали. Так, например, рабовладельцы и феодалы-крепостники считали вполне нравственным беспощадное, жестокое обращение со своими рабами и крепостными, включая женщин и детей; в древнем Риме не считалось зазорным отдавать рабов на съедение хищным рыбам (муренам), а русский помещик-крепостник мог даже в XIX в. безнаказанно подвергать крестьян жесто-

чайшим телесным наказаниям на конюшне.

Можно привести много примеров удивительного многообразия морально-этических представлений, регулировавших поведение людей на разных ступенях исторического развития. У первобытных племен и народов зафиксирован обычай, по которому престарелые люди умерщвлялись их же детьми или по меньшей мере обрекались на смерть от голода и хищных зверей. И это считалось вполне естественным. Убивали детей, если это соответствовало интересам данной общественной группы. У одних народов вполне нравственным признавалось многоженство, у других оно осуждалось; в дальнейшем только моногамный брак (одна жена, один муж) стал стандартом нравственного семейного быта. В средние века в Западной Европе совсем не считался порочащим нравственное достоинство рыцаря грабеж на большой дороге, наоборот, в полном сознании своего нравственного достоинства он отправлялся на «поиски приключений».

При всей относительности и изменчивости представлений о том, что нравственно и что безнравственно, существуют, однако, и некоторые моральные нормы, имеющие силу для людей разных этапов исторического развития. Это так называемые простые законы нравственности и справедливости. Они были присущи морали и первобытного, и разных классовых обществ, и для нас, людей социалистического общества. Мы осуждаем клевету, проявления коварства, лицемерия, жестокости и т. д. В Программе КПСС говорится, что при господстве эксплуататоров законы уродовались или бесстыдно попирались, а при коммунизме они становятся «нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными людьми, так и народами».

Во всяком случае источник нравственных норм находится в самом обществе, они вырабатываются

в ходе жизни. А откуда же берется религиозная мораль?

Богословы утверждают, что она предписана богом или богами. Поступать надо только так, как приказала сверхъестественная сила. Мораль при таком освещении теряет свой человеческий общественный характер, приобретая «потусторонний», «сверхъестественный».

Такое ее понимание неправильно.

Единственным источником всех представлений является реальная человеческая жизнь, ее опыт, образцы и впечатления, возникающие в сознании человека в ходе его жизнедеятельности. В религии эти образы и представления фантастически сочетаются и нередко до неузнаваемости извращаются.

С моралью в религии происходит то же самое. Сложившиеся в обществе ее нормы она заимствует и проповедует уже «от себя», причем эти нормы находят в религии такое же фантастическое отражение, как и все остальные стороны человеческого бытия. Эта фантастичность заключается в том, что предписаниям «делай так» и «не делай по-другому» приписывается небесное происхождение. Вот, мол, библейский бог вручил десять заповедей своему пророку Моисею, а тот сообщил о них народу и стал следить за их выполнением. То же и в других религиях. Христианство в евангелиях велит своим приверженцам воздерживаться от насилия, вкладывая это повеление в уста Иисуса Христа, который считается даже не пророком, а прямо богом. Мусульманская религия требует от своих последователей «благочестивой» жизни в духе тех повелений, которые преподал людям от имени Аллаха его пророк Мохаммед. Но во всех этих случаях боги предписания являлись лишь перепевом тех нравственных идеалов, которые возникали в самом обществе и среди отдельных его группировок.

Нередко в истории та или иная религия присваивала и брала на вооружение не только те этические нормы, в которых выражались интересы господ, но и те, которые отражали настроения угнетенных, искавших пути к своему освобождению. Особенно ярко это сказывалось в тех случаях, когда задавленные, эксплуатируемые, «труждающиеся и обремененные» (как их называет евангелие от Матфея) не видели реального пути к лучшей жизни и, по словам Г. В. Плеханова, заблудившись на земле, начинали искать путь на небо. Тогда возникали этические идеалы пассивного ожидания сверхъестественного вмешательства в жизнь людей, непротивления, неделания (квиетизма).

Яркими примерами такой этики служит как евангельская проповедь, так и этика буддизма. Его идеал — нирвана: небытие, прекращение всяких страданий, как и всяких вообще переживаний и ощущений. Настоящий праведник (архат) должен, с точки зрения этого учения, стремиться уйти от страданий. В основе таких взглядов как в раннем христианстве, так и в буддизме лежали определенные социальные факторы. Но столь же несомненно и то, что общественные группировки, чья идеология выразилась в морали социальной пассивности и непротивления, не могли в реальной жизни улучшить свое положение и находили видимость утешения в том, что и не надо ничего делать. Поучительно, однако, что все такого рода этические системы оставались утопиями и не оказывали никакого влияния на реальную жизнедеятельность людей.

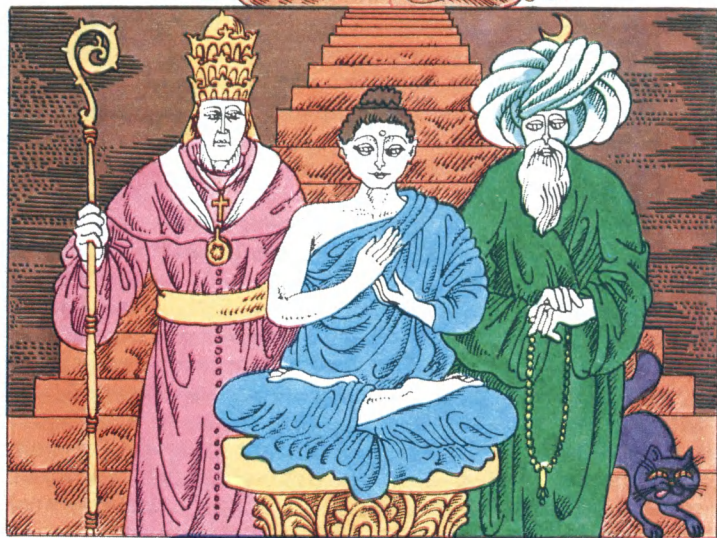
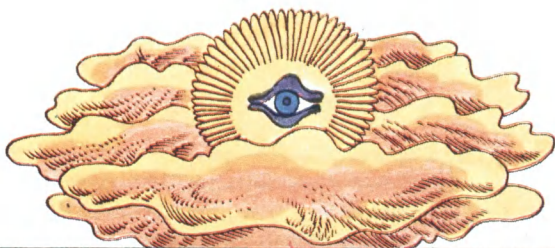
В тех случаях, когда религиозные нравственные предписания соответствовали жизненным интересам достаточно мощных общественных классов и групп, они становились руководством к действию. Например, такое новозаветное предписание, как «рабы, во всем повинуйтесь господам вашим со страхом

и трепетом, боясь бога», закрепилось в этической системе христианства и в реальном поведении тех угнетенных, среди которых эта идеология получила распространение. А с заповедями «не противься злу», не применяй насилие, подставляй щеки и т. д. дело обстояло значительно сложнее.

Практически эти заповеди никто не выполнял и не выполняет. В них в свое время выразилась идеология «труждающихся и обремененных» Римской империи, но в дальнейшем реальные интересы людей и социальных групп требовали другого поведения. И жизнь прошла, как проходит и сейчас, мимо таких проповедей. Евангелие читают, комментируют, иногда умиляются по поводу возвышенного характера его проповеди, но никто ей не следует. Такова судьба религиозной морали, когда она не выражает этических взглядов социальных групп и классов, играющих определенную роль в идеологической жизни данного общества.

Для советского человека религия не может служить источником морали и путеводителем жизненного поведения. Его этическим идеалом служит моральный кодекс строителя коммунистического общества, зафиксированный в Программе нашей партии.

Опровергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль — самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудового человечества. Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров предавались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами.

Духовенство, церкви. Почти во всех религиях считается, что между людьми, с одной стороны, и сверхъестественными силами — богами, ангелами, демонами и т. д., с другой, должны находиться посредники: священники, раввины, муллы, шаманы, колдуны, — в общем, духовенство. На первый взгляд такое перечисление может показаться странным: в один ряд ставятся фигуры раввина, священника, шамана, колдуна... Между тем ничего неверного в этом нет. Все они обозначают людей одной и той же профессии: это служители культа. Можно, конечно, и самому верующему обратиться с молитвою к богу, но лучше, если он сделает это через священника, например, или муллу. В большинстве религий считается, что хотя индивидуальная молитва и действенна, но еще важнее коллективная, когда верующие собираются вместе и исполняют религиозный обряд под руководством служителя культа.

В шаманских или подобных им культах, в колдовских действиях сами верующие, как правило, остаются лишь зрителями, а обряд выполняется единолично шаманом или колдуном. В христианстве, иудаизме, исламе это делает служитель культа при непосредственном участии верующих, причем это коллективное моление признается, как уже говорилось выше, более предпочтительным, чем индивидуальное. Проводит его, как правило, священнослужитель.

Эти люди составляют особый социальный слой — духовенство, а их объединения по различным религиям и вероисповеданиям образуют церкви. В своем

широком смысле это слово означает объединение не только служителей культа соответствующей религии, но и верующих — мирян, являющихся ее приверженцами.

В русском языке слово «церковь» имеет двоякое значение. Оно означает здание, в котором происходит христианское богослужение и куда собираются верующие на общую молитву. Церковью же называется и учреждение, объединяющее, как мы выше говорили, служителей культа и «мирян» той или иной религии и руководящее их деятельностью. Ясно, что здесь говорится о церкви во втором смысле этого слова. И хотя имеют в виду и объединяемых ею мирян, но главную роль в любой из церквей играет духовенство.

Служители культа обычно ставят себя в особое положение по сравнению с другими людьми. Они — «не от мира сего», они — от мира «того», «потустороннего», сверхъестественного. Священнослужители стараются подчеркнуть свою особую сущность внешним видом, костюмом, прической, манерой вести себя. Всем известно, как выглядит в рясе длинноволосый и чаще всего бородатый православный священник или одетый в длинную сутану католический ксендз. Эти костюмы и внешний облик имеют историческое происхождение, они были обычным одеянием в те времена, когда эти религии возникали; у всего населения одежда и вообще моды на протяжении многих столетий менялись, а у духовенства, в соответствии с присущей религии консервативностью, закрепились и стали признаком его особого положения. Это положение в ряде религий закрепляется многими правилами и установлениями.

В православном и католическом вероисповеданиях христианства духовенство считается носителем особой божественной «благодати», которая нисходит на священнослужителя в момент его «рукоположе-

ния». При этом проводится одно из семи таинств, т. е. ритуалов, при которых якобы происходит некое чудо — таинство священства. Человек, над которым произведено это таинство, приобретает нечто вроде ангельского чина. По образу жизни он тоже должен отличаться от всех других людей. Католический священник не имеет права жениться и иметь семью. Для православного священника тоже предусмотрены соответствующие ограничения; он не может, например, овдовев, жениться второй раз. Православное духовенство делится на две части: черное (монахи) и белое (т. е. обычное). Высшие должности в церкви могут занимать только монашествующие.

В христианском духовенстве существует целая иерархическая лестница власти и подчинения: дьяконы, иереи (священники) и епископат. Внутри каждой из иерархических ступеней есть и свои градации. Так, в православной церкви, среди иереев — священники, протоиереи, протопресвитеры, среди епископов — просто епископы, архиепископы, митрополиты, патриархи. В католической церкви — своя табель о рангах. Выше всех — римский папа, ниже его стоят кардиналы, архиепископы и т. д. В протестантизме дело значительно проще. Там не признается так называемое таинство священства; считается, что каждый верующий может стать священником, если его изберет община, — действует принцип «всеобщего священства». Впрочем, организация такой протестантской церкви, как англиканская, приближается по своей структуре к католической.

Католическое ответвление христианства организовано в особую церковь во главе с римским папой, ее центр — Ватикан находится в столице Италии Риме. Православное вероисповедание не объединено в единую церковь во всемирном масштабе. Сущест-

вует 15 самостоятельных, так называемых автокефальных православных церквей, одной из которых является русская православная церковь. Протестантские церкви еще более многочисленны и раздроблены. В СССР примером такой церкви является баптистская, возглавляемая Всесоюзным советом евангельских христиан-баптистов. Есть большое количество христианских религиозных организаций, именуемых сектами, но в принципе не отличающихся от церквей. Различные церкви в разной степени и в разных масштабах централизованы.

Существуют даже всемирные союзы, например союз баптистов, но это вовсе не единая церковь — союзные отношения ограничиваются эпизодическими контактами между баптистскими организациями разных стран и периодически проводимыми всемирными конгрессами. Существует и всемирное объединение христианских церквей — Всемирный совет церквей с центром в Женеве. В него входят почти все православные и протестантские церкви, католическая же формально не входит, но представлена в нем своим постоянным наблюдателем. Объединение не является, однако, всемирной церковью, это лишь совещательная организация, она периодически проводит свои заседания и конференции, на которые собираются представители церквей, входящих в совет. Каждая из них сохраняет при этом свою полную самостоятельность.

Ислам делится на два основных направления — суннитское и шиитское; помимо того, в нем имеются более мелкие подразделения типа сект: исмаилиты, друзы, бабиды, зейдиты и др.

Иудейское духовенство не имеет централизованной организации. Во многих странах с населением иудейского вероисповедания существует должность главного раввина, но занимающий ее не имеет реальной власти над остальными раввинами. Лишь

Империалистические государства в своей пропаганде милитаризма активно пользовались средствами религиозной

проповеди. Мадонна на танке. Итальянский плакат времен второй мировой войны.

в Израиле, где иудейское духовенство во многом выполняет государственно-административные функции, руководство им централизовано.

Раздробленность церковных организаций не только разных религий, но и среди приверженцев одной религии не может не вызывать удивления. Многие десятки, если не сотни церковных объединений существуют параллельно и конкурируют друг с другом, при этом каждое считает себя единственным носителем божественной истины. Когда-то они вели между собой ожесточенную, нередко кровавую борьбу, вплоть до настоящих войн. Теперь взаимоотношения между разными церквями более мирные. Многие из них даже признают, что и другие церкви тоже в какой-то мере являются носителями истины. Но только в какой-то мере! Вся же истина без каких бы то ни было ошибок и искажений признается каждой церковью ее собственной монополией, а за остальными допускается возможность лишь какого-то приближения к ней.

А почему, собственно, нельзя договориться о сущности той божественной истины, в которую следует верить? Неужели так уж непримиримы существующие разногласия по поводу ее смысла и содержания?

Это, может быть, стало бы возможным в том случае, если дело касалось бы действительно только разногласий по вопросу о содержании истинной веры. На самом деле здесь действуют более сильные и реальные факторы. Как это наблюдалось и в прошлом, каждая из церквей воплощает в своей деятельности интересы тех или иных социальных и национальных

групп, прежде всего экономические и политические. Приведем лишь один пример, иллюстрирующий это положение.

И в прошлом веке, и в настоящее время народы Африки служат объектом миссионерской деятельности как христианских церковников, так и мусульманских проповедников. Между католическими, протестантскими и других толков христианскими миссионерами непрерывно идет острая борьба за то, кому удастся обратить в свою веру те или иные племена и народы. А дело в том, какой из империалистических группировок удастся подчинить себе эти народы, притом не только в идеологическом, но и в политическом, и в экономическом отношении. К тому же каждая церковь заинтересована в возможно большем количестве прихожан, которые посещают ее молитвенные дома и «святые места», оставляя милостыню, заказывая молебны и прочие требы ее духовенству. Помимо того, каждая церковь стремится к тому, чтобы возможно большее количество людей было именно под ее идейным влиянием — она может воздействовать на них в политическом плане; например, они проголосуют на выборах за рекомендуемых ею кандидатов, станут отстаивать ее привилегии в обществе и государстве, как и привилегии тех эксплуататорских групп, интересы которых она представляет.

Конкуренция между церквями является фактом не только настоящего, но и прошлых времен.

Немного истории. Приведем несколько эпизодов из истории христианской церкви.

К началу средних веков существовало несколько христианских церковных центров. В Риме занимал свой престол папа, считавший себя, как считает и теперь, преемником апостола Петра, главой католической, т. е. всемирной, церкви. В Константинополе,

столице Западной Римской империи, находилась резиденция византийского патриарха, тоже именовавшего себя вселенским. Но в Александрии, Антиохии и Иерусалиме сидели свои патриархи, тоже претендовавшие на независимость; из них первый обладал бóльшим богатством и властью. Вскоре, однако, исторические условия изменились, и на арене церковной борьбы остались две решающие противоборствующие силы: римский папа и константинопольский патриарх. Каждый из церковных центров претендовал на старшинство. Борьба между ними, длившаяся столетиями, идеологически облекалась в форму разногласий по вероисповедным вопросам.

С начала IV в. и в последующие столетия христианских богословов обуревали разногласия по таким вопросам: «Обладал ли Иисус Христос одновременно двумя «природами» — и божеской, и человеческой — или только одной из них? И если одной, то являлась ли она божеской или человеческой? Имел ли он две разные воли или одну? Почитать ли иконы? Надо ли именовать деву Марию богородицей, т. е. матерью бога (?!), или человека Христа — христородицей, а не богородицей?» Если бы дело ограничивалось словесными спорами, то большой беды в этом не было бы. Но на протяжении столетий споры о том, каково «истинное» решение столь «важных» проблем, приводили к обильным кровопролитиям. А по существу решались вполне реальные земные проблемы: кто кого поработит, кто за счет кого обогатится, кто кому навяжет свою власть? И каждая из сторон, применяя силу, старалась использовать удобный момент при сокрушении очередного «еретика».

Особенно показательна для иллюстрации того, как складывались отношения между церквями, история разделения христианской церкви на восточную и западную, а соответственно и разделения христи-

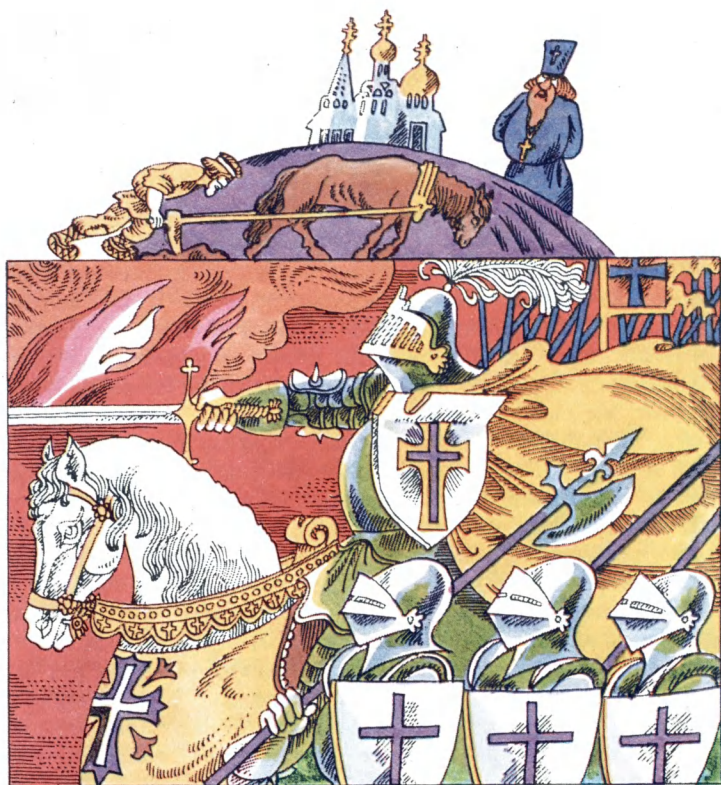
В ходе исторического процесса
религия служила опорой
и орудием влияния
реакционных сил
и эксплуататорских классов.

анской религии на два вероисповедания — православное и католическое.

Ряд столетий шла борьба за первенство между византийскими патриархами и римскими папами. В IX в. эта борьба вылилась в открытый конфликт.

Незадолго до этого обратили в христианство болгар. Сделали это первоначально римские миссионеры, но территориально Болгария находилась под боком у константинопольского патриарха. Вопрос о подчинении новообращенных имел немаловажную практическую сторону: кому они должны платить «динарий святого Петра», кто воспользуется этими богатыми доходами? Рим предъявлял свои претензии. Он считал, что ряд территорий с христианским населением — Иллирию, Эпир, Македонию, Калабрию, Сицилию и другие, занятых за сто с лишним лет до этого Византией, нужно вернуть в юрисдикцию римского папы; опять-таки дело шло о крупных материальных и политических интересах. Папа дождался момента, чтобы выразить эти интересы в благовидной и благочестивой форме.

Император Михаил III низложил с престола патриарха Игнатия и заменил его начальником своей гвардии Фотием, а покорный ему церковный собор 861 г. без возражений согласился с этим. Римский папа Николай I выступил в роли блюстителя церковной самостоятельности и заявил, что Фотий — захватчик патриаршего престола, а настоящий патриарх — низложенный Игнатий; что же касается церковного собора 861 г., то он «разбойничий собор», и вместо него папа провел в 863 г. в Риме другой

собор, который немедленно согласился со всем, чего от него требовали. Тогда перешел в наступление Фотий. Он направил другим восточным патриархам письмо, требуя суда над папой. Не за то, конечно, что тот хочет присвоить чужие доходы, а за то, что он — еретик. Здесь-то и выступила на арену вся та сумма вероисповедных разногласий, которая еще до сих пор разделяет православную и католическую церкви.

В изложении христианского вероучения, именуемом Символом веры, говорится, что дух святой исходит от бога-отца; а в католической редакции символа есть одно словечко, которое ведет к неслыханной ереси. Оно звучит по-латыни *filioque*, что значит «и сына». Получается, что дух исходит и от отца, и от сына! К этой «ереси» прибавлялись и другие, в том числе побуждавшие верующих совершать такие страшные грехи, как употребление молока и сыра в дни великого поста, как пост в субботу, который вообще по всем божеским законам является праздничным днем, и т. д. Дело явно шло к полному расколу между церквами. На Константинопольском церковном соборе 867 г. папу Николая I и всех его сторонников предали проклятию — анафеме, и, само собой разумеется, на очередь встал поход с целью свержения папы-еретика. Но положение изменилось в результате дворцового переворота в Константинополе.

После ряда кровавых столкновений, в результате которых погиб император Михаил III и престол захватил Василий I, положение Фотия, как ставленника Михаила, осложнилось. Чувствуя себя на захваченном престоле неуверенно, новый император хотел заручиться поддержкой папы. Поэтому он сместил Фотия и восстановил на патриаршем престоле Игнатия. Проведенный в 869 г. церковный собор проклял Фотия. Текст проклятия гласил: «Фотию

придворному и узурпатору — анафема! Схизматику (раскольнику. — *И. К.*) и осужденному — анафема! Прелюбодею и отцеубийце — анафема!» Помимо того, свергнутый патриарх аттестовался как тиран, избретатель лжи, Иуда и т. д. Казалось бы, теперь наступит церковный мир, ибо Рим мог быть доволен. Когда, однако, папа сделал из сложившейся ситуации выводы, касавшиеся «динария», и потребовал немедленного ухода византийского духовенства из Болгарии, император воспротивился. Опять едва не возник конфликт. К тому же угодный папе патриарх Игнатий скоро умер. Императору представилось выгодным снова возвести на патриарший престол не кого иного, как «прелюбодея и отцеубийцу» Фотия.

Теперь уже папа примирился с этим, ибо его собственное положение в силу ряда обстоятельств, и прежде всего угрозы военного нападения со стороны арабов, стало шатким. В ответ на письмо императора, в котором извещалось о новом возведении Фотия в патриархи, папа Иоанн VIII писал: «Достопочтеннейшего Фотия мы признаем в патриаршем достоинстве и объявляем ему наше общение с ним». Этим, однако, дело не кончилось. Когда положение папы в Риме упрочилось, он продолжил борьбу за «болгарский динарий». В 881 г. Фотия обвинили в многочисленных ересьях и в переполненном соборе св. Петра опять предали анафеме.

Император и патриарх не обратили на эти громы никакого внимания. Сношения между церквями прервались. Через несколько лет Фотию все же пришлось покинуть патриарший престол — по той причине, что императором стал Лев VI, который счел выгодным возвести в патриархи своего шестнадцатилетнего брата Стефана.

Около 200 лет отношения между римской и константинопольской церквями оставались напря-

женными, пока, наконец, не завершились в 1054 г. окончательным расколом.

Борьба разгорелась фактически из-за того, в юрисдикции какой церкви находится Южная Италия вместе с Сицилией. Но все, конечно, было облечено в вероисповедно-богословскую форму. Когда папа Лев IX назначил своего архиепископа в Сицилию, патриарх Михаил Кируларий опубликовал послание, в котором обличал римскую церковь в многочисленных ересьях и в губительной богослужебной практике, например в том, что католическое духовенство причащает мирян — о, ужас! — не квасным, а пресным хлебом. Последовал новый обмен посланиями, и кончилось дело тем, что церковь, именуемая в Символе веры единой и соборной, распалась на две, каждая из которых считает другую отколовшейся и отпавшей от «истинной» веры. Напомним, что важнейшее место в разногласиях занимает вопрос, исходит ли дух святой только от бога-отца или и от бога-сына...

Ярким штрихом, показывающим, в каких отношениях находились между собой две христианские церкви в течение последующих столетий, может послужить история крестового похода 1204 г.

Итальянские, французские и немецкие крестоносцы дошли до Константинополя, захватили этот христианский город, устроили там страшную резню и до основания разграбили его. И почему бы им этого не сделать, если город да и вся Византия находились под властью схизматической церкви, пусть даже христианской?!

В XVI в. к существовавшему тогда и враждовавшему между собой двум христианским церквям присоединилась и третья, вернее — целая группа новых церквей, именующихся протестантскими: лютеранская, кальвинистская, англиканская и ряд других. Все проклинали одна другую, обличали друг друга во всевозможных ересьях и, когда возникали

войны между государствами или гражданские войны внутри государств, давали им религиозно-идеологическое облачение. Во Франции, например, второй половины XVI в. кровопролитная борьба между разными социально-политическими группировками вошла в историю под названием религиозных войн — между католиками и протестантами (гугенотами). Тридцатилетняя война в Германии (1618—1648) по форме тоже была борьба между католиками и протестантами.

В истории России тоже наблюдались аналогичные явления, хотя по ряду причин и не в таких широких масштабах. Можно отметить в этой связи старообрядческий раскол и ту борьбу, которая была с ним связана. Выше мы уже о нем говорили. Скажем здесь подробнее о действительной подоплеке развернувшейся тогда борьбы вокруг, казалось бы, чисто религиозных разногласий.

Против господствующей церкви выступили недовольные существующим строем и своим положением закрепощаемые крестьяне, посадские люди (малоимущие горожане), которых дворянское государство нещадно грабило растущими податями, часть боярства, возмущавшаяся упразднением феодальных вольностей, часть низшего духовенства, не желавшая или не умевшая переучиваться по исправленным по греческим образцам церковным книгам. Все социальные претензии облекались, однако, в религиозную форму. Господствующая церковь раскололась. Отпавшие от нее старообрядцы образовали множество «толков» и «согласий», которые тоже можно считать церквями в миниатюре.

Сейчас, как известно, русская православная церковь перестала с такой ожесточенной враждебностью относиться к старообрядчеству. Между московской патриархией и старообрядческими церквями по подходящим случаям теперь даже происходит

обмен дружественными посланиями и приветствиями, но все-таки остается в силе разделение.

В последнее десятилетие произошли серьезные изменения и во взаимоотношениях католической и православной церквей. В 1965 г. константинопольский патриарх Афинагор посетил Ватикан, и после его переговоров с папой Павлом VI было опубликовано сообщение о том, что обе церкви отменяют провозглашенные ранее взаимные проклятия и отлучения. Теперь часто происходят богословские собеседования как между православной и католической, так и между другими христианскими церквями. По торжественным случаям те самые церкви, которые раньше постоянно изощрялись во взаимной брани, стали обмениваться дружественными посланиями и приветствиями.

Казалось бы, теперь все христианские церкви могут объединиться на почве общей веры в Иисуса Христа и в божественную троицу. Нет, этого не происходит, и не похоже на то, что в обозримый исторический период произойдет. По-прежнему продолжают играть роль религиозные разногласия в Символе веры. Но, на наш взгляд, отнюдь не это является решающим. Если паче чаяния когда-нибудь и произойдет объединение церквей, то, как вполне очевидно, одни из них должны будут подчиниться другим, притом не только в организационном, но и в политическом, и в хозяйственном, и в финансовом отношении.

Церковь — помещик и капиталист. Клерикализм.

Велики были богатства католической и православной церквей в средние века. Владея колоссальным количеством земли и крепостных крестьян, они имели не только многочисленные замки и поместья, но и целые города и области, а католическая церковь обладала государственной властью на огромной тер-

ритории. Считается, что около трети обрабатывавшихся тогда земель принадлежало римскому престолу.

Русская православная церковь также владела огромным количеством земель и крепостных душ. В начале XVI в. один лишь митрополит московский имел около 100 тыс. десятин земли и 4 тыс. дворов крепостных крестьян. Особенно велики были владения монастырей. В 1478 г. московский великий князь Иван III отобрал у монастырей Новгородского княжества половину их земель: у Юрьевского монастыря — 10 800 десятин, у Аркадьевского — 4995, у Благовещенского и Никольского — по 3700 с лишним десятин. Это были, однако, не самые богатые монастыри того времени. Так, Кирилло-Белозерскому принадлежало в середине XVI в. 43 800 десятин одной только пахотной земли, а у Троице-Сергиевой лавры только та часть земли, которая составила из пожертвований «на помин души», достигла свыше 113 тыс. десятин. И все эти колоссальные земельные массивы обрабатывались крепостными. Это значит, что церковь представляла собой крупнейшего на Руси крепостника. Таким же эксплуататором-крепостником являлась и католическая церковь на Западе.

Откуда брались эти богатства? Их источники весьма многочисленны и разнообразны. Здесь и бравшаяся с прихожан плата за требы, и штрафные взносы в церковную казну, взимавшиеся с людей за те или иные совершенные ими проступки и грехи, и выручка от продажи индульгенций — грамот об отпущении грехов, и многие другие поборы и сборы. Немалое место в церковных доходах занимало и имущество, наследовавшееся церковью по завещаниям богатых прихожан. Ф. Энгельс так писал об источниках церковных доходов в средние века: «Для того чтобы вырвать у подданных последний грош или увеличить долю наследства, завещаемую церкви,

Монастыри в средние века на Руси были крупнейшими крепостниками-помещиками. Поимка

беглых крепостных монахами Троице-Сергиевой лавры.
Картина В. Рассказова.

пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки, (имеются в виду пытки, применявшиеся инквизицией. — *И. К.*) все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни... Однако, хотя помимо обычных феодальных повинностей и оброков они собирали также и десятины (десятую часть всех доходов. — *И. К.*), всех этих доходов оказывалось еще недостаточно. Чтобы выжать у народа еще больше средств, они пользовались — и долгое время весьма успешно — изготовлением чудотворных икон и мощей, устройством благочестивых паломничеств, торговлей индульгенциями».

Для увеличения церковных доходов особенно ужасные пытки применяла инквизиция.

По своему буквальному смыслу латинское слово «инквизиция» звучит довольно безобидно: розыск. На самом же деле оно обозначает одно из самых зловещих и страшных явлений в истории религии. Это — церковное судилище, которое разыскивало инаковерующих — «еретиков» и подвергало их самым жестоким наказаниям, вплоть до сожжения заживо и иногда, что было особенно мучительно для жертвы, на медленном огне. Инквизицию официально учредил папа Григорий IX в 1233 г.

Русская православная церковь сожгла и другими способами уничтожила много людей, оказавшихся ей неугодными, в том числе протопопа Аввакума, вождя старообрядцев, вошедшего в историю литературы в качестве автора знаменитого «Жития». Один из основателей протестантизма Жан Кальвин сжег на костре (на медленном огне!) крупнейшего естествоиспытателя Мигуэля Сервета. Но, конечно, наибольшей жестокостью отличалась католическая церковь.

За столетия своего существования католическая инквизиция уничтожила в разных странах от 9 до 12 миллионов человек. В XV в. один лишь вошедший в поговорку как олицетворение жестокости испанский инквизитор Торквемада сжег на костре свыше 10 000 человек. В 1835 г. римский папа распорядился о прекращении деятельности инквизиции.

В Новое время обстановка изменилась. Феодализм отжил свое, уступив место капитализму. С середины XIX в. католическая церковь стала перестраиваться и как хозяйственный организм: из крепостника она превратилась в капиталиста. Одно за другим возникали акционерные общества с преобладающим участием церковного капитала, многочисленные банки, строительные предприятия, транспортные компании. Сейчас Ватикан является, вероятно, одним из крупнейших капиталистов мира. Он не отказался при этом и от земельных владений. В одной только

Камера пыток инквизиции.

Орудия пыток испанской инквизиции.

**Сожжение Джордано
Бруно инквизицией.**

**Сожжение «еретиков» по
приговору испанской
инквизиции.**

Италии ему принадлежит около 250 000 га.

Несколько по-иному сложились имущественные дела русской православной церкви. В ходе ее истории цари неоднократно накладывали свою руку на «божье достояние». Немало церковно-монастырской собственности отобрал у церкви Петр I, а еще больше — Екатерина II. Тем не менее, какой бы стрижке периодически ни подвергалась православная церковь, она потом обрастала новыми богатствами и становилась крупнейшим собственником. В 1905 г. монастыри, находившиеся в европейской части России, владели 739 777 десятинами земли; из них 66 000 десятин принадлежали Соловецкому монастырю.

Великая Октябрьская социалистическая революция, покончившая с частным землевладением, национализировала и церковно-монастырские имения. В условиях Советского государства православная церковь, как и церкви других религий, не является хозяйственной организацией и выполняет только религиозные функции.

Выглядит непонятным и нелогичным, почему религиозная организация должна быть предпринимателем, владеть огромными капиталами, когда-то — крепостными душами и громадными земельными массивами, теперь — десятками миллиардов долларов, вложенных в капиталистические монополии? Частичное объяснение можно найти в том, что церкви нужны средства на подготовку кадров священнослужителей, на содержание высших чинов духовенства (низший церковный клир содержится прихожанами), на публикацию проповеднической литературы. Для всего этого у нее хватает денег с избытком.

Так же обстоит дело и с политической деятельностью, которой занимаются различные церкви.

Если вернуться к временам средневековья, то и тогда христианские церкви претендовали на верховную политическую власть в мире. И светским мо-

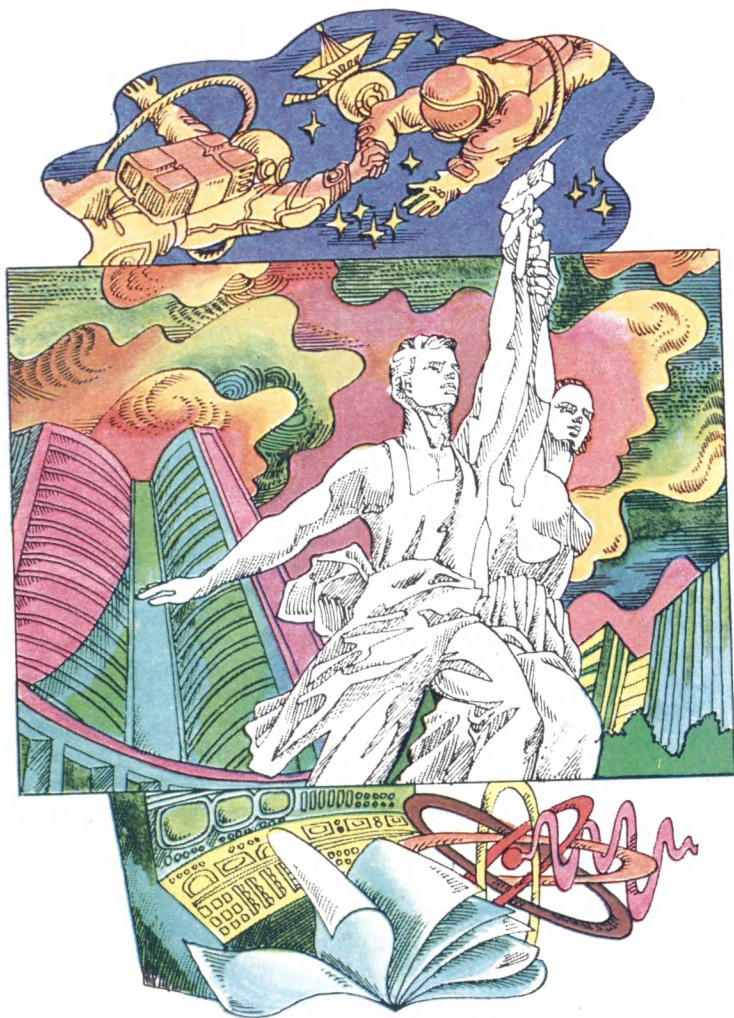

нархам приходилось выдерживать упорную борьбу, в частности военную, чтобы сохранить свою власть и не оказаться в полном подчинении у церкви. Теперь времена, конечно, изменились. При капитализме теократия (буквальное значение — «власть бога») — дело, в общем, утопическое. Но церкви стараются всеми доступными для них способами вмешиваться в политическую жизнь.

Стремление церквей и духовенства воздействовать на политическую жизнь в нужном им направлении именуется клерикализмом. В капиталистических странах церкви организуют свои профсоюзы, клерикальные политические партии, союзы молодежи, спортивные общества, кассы взаимопомощи и т. д. В ряде буржуазных стран существуют партии, именуемые христианско-демократическими. И хотя не во всех из них влияние церкви является определяющим, но благочестиво звучащее религиозное название дает им возможность «улавливать души» некоторых кругов верующих.

В Советском Союзе нет почвы для клерикализма. Деятельность церквей заключается в исполнении их религиозных функций. В условиях гарантируемой Конституцией СССР свободы совести государство не вмешивается во внутренние, собственно религиозные дела церкви, но и церковь не может претендовать на участие в управлении государством. Само собой разумеется, что каждый гражданин свободен в принадлежности к той или иной церкви, в своей вере или атеизме, в отправлении тех или иных религиозных обрядов или в полном отказе от них.

Это не означает, однако, что мы отказываемся от научно-просветительной атеистической пропаганды. Ибо религия остается реакционным мировоззрением, с которым мы ведем систематическую идеологическую борьбу, распространяя в народных массах научно-материалистическое мировоззрение

Мы рассмотрели различные стороны и элементы того общественного явления, которое именуется религией: обряды, верования, соответствующие переживания, мораль, церковь. Что же в числе этих элементов следует считать главным? Веру в реальность сверхъестественных существ и сверхъестественных явлений, не подчиняющихся общим закономерностям естественного мира.

Таких существ — богов, ангелов и т. д. — нет и быть не может. Не бывает и не может существовать в действительном мире сверхъестественных явлений. Поэтому религиозное мировоззрение ложно и антинаучно в своей основе.

Его влияние на сознание и судьбы народных масс всегда было отрицательным. Религиозные призраки в какой-то мере парализовали сознание масс, дезориентировали их в отношении того, каковы реальные пути, ведущие людей к лучшей жизни.

В наше время реакционная роль религии сказывается с особой силой. Идет острая идеологическая борьба двух систем, идейное противоборство двух направлений. В этой «борьбе двух мировоззрений, — сказал Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС, — не может быть места нейтрализму и компромиссам». Религиозное же мировоззрение является разновидностью враждебной нам буржуазной идеологии и одной из ее сторон.

Религия в наши дни переживает неизбывный и безвыходный кризис. Происходящая в мире научно-техническая революция с особой яркостью и ясностью обнажила банкротство религиозной картины мира и догм, лежащих в основе религиозного мировоз-

зрения. Вместе с тем показала свою реакционную сущность также деятельность церковных организаций в социально-политической области, в классовой борьбе. Кризис охватывает все стороны религии — и мировоззренческую и ту, которая именуется институциональной, выражающей состояние и практическую деятельность церкви и ее многочисленных и многообразных учреждений и организаций.

Нельзя, правда, не видеть того, что кризис в неодинаковой мере коснулся всех существующих церковных организаций и всех направлений религии. Некоторые религиозные группировки проявляют большую изворотливость, приспособляя свое вероучение к изменяющимся условиям современного мира. Они проповедуют более абстрактные и туманные идеи, чем та явная фантастика, которая лежит в основе старых традиционных религиозных систем.

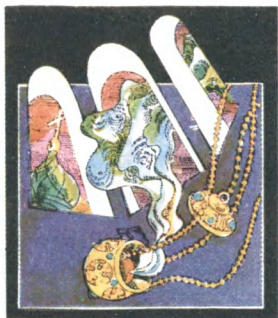
Стремление приспособиться к обстоятельствам времени вынуждает многие группировки духовенства и идеологов религии искать такие формы верований, которые бы по возможности не коробили человека конца XX столетия своей примитивной фантастичностью. Когда вся суть христианской веры сводится к изречению одной из книг Нового завета, гласящему, что «бог есть любовь», остаются в тени те вопросы, которые причиняют идеологам религии наибольшие затруднения: явная фантастичность и мифологичность библейских повествований, противоречивость учения об управляющем миром троичном боге, угрозы адских мук и посулы райских удовольствий и т. д. Когда провозглашается необходимость демифологизации вероучения — его освобождения от мифов, то это имеет двоякое значение. С одной стороны, религия как будто «очищается» от наивной мифологии, с другой, перед ней открывается возможность укрыть в витиеватых фразах, якобы утверждающих некий сокровенный, таинственный, недоступный людям

смысл, те тексты, в которых рассказываются незамысловатые, фантастические истории.

Наряду с модернизацией и «утончением» вероисповедного содержания религии идет и ее приспособление к современности по линии социальных учений и программ. Раньше прямолинейно и категорически утверждалось, что бог создал богатых и бедных, что господство первых над вторыми угодно ему и необходимо, так что стремление установить более справедливый социальный строй недопустимо и греховно. Теперь богословы все чаще допускают признание правомерности существования социалистических идей и классовой борьбы пролетариата. Некоторые группировки в современном богословии носят даже такие наименования, как «теология (богословие) революции» и «теология освобождения».

Международные прогрессивные и демократические организации, в том числе коммунистические партии, не отказываются от сотрудничества не только с верующими трудящимися (наоборот, они все делают для того, чтобы вовлекать их в революционную борьбу), но и с религиозными организациями и группировками, которые стоят на более или менее прогрессивных позициях. При всем этом мы ни на йоту не поступаемся нашими принципиальными установками в вопросах мировоззрения.

В постановлении ЦК КПСС «Об улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» подчеркивается, что ее сердцевиной было и остается формирование у советских людей научного мировоззрения; постановление призывает усилить борьбу за преодоление религиозных предрассудков. Мы противопоставляем религиозной идеологии последовательно научное мировоззрение, вооружающее человека в его борьбе за лучшую жизнь, за счастье в реальном земном мире.

О «тайнах» религии *Иосиф Аронович Крывелев*

Для среднего и старшего
школьного возраста

Художник
Л. Х. Насыров

Фото
П. С. Старостина

Зав. редакцией
В. Кирьянов

Редактор
Н. Офитов

Художественный редактор
В. Храмов

Технический редактор
Т. Морозова

Корректор
В. Антонова

ИБ № 572

Сдано в набор 03.09.80.
А07317. Подписано в пе-
чать 03.04.81. Формат
70×100/32. Бумага офсет-
ная. Усл. печ. л. 4,19. Уч.-
изд. л. 4,90. Усл. кр.-отт.
17,2. Тираж 200 000 экз.
Печать офсетная. Гарнитура
школьная. Заказ № 2263.
Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика»
Академии педагогических
наук СССР и Государствен-
ного комитета СССР по де-
лам издательств, полигра-
фии и книжной торговли.
Москва, 107847, Лефортов-
ский пер., 8.

Ордена Трудового Красного
Знамени Калининский по-
лиграфический комбинат
Союзполиграфпрома при Го-
сударственном комитете
СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной тор-
говли. г. Калинин, пр. Лени-
на, 5.

Содержание

Введение **3**

**Религиозно-
магические
действия**

Религиозные **23**
верования

Религиозные **50**
переживания

Религиозная **61**
мораль

Церковь **78**

Заключение **101**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»**

30 коп.

Читайте
следующую
книгу
библиотечки

«Ученые —
школьнику»!

●
«Вирус друг или враг» — рассказ о сравнительно молодой науке о самых маленьких живых существах — вирусах, возбудителях болезней человека, животных и растений.

●
Авторы книги советский ученый, член-корреспондент Академии наук СССР Д. Г. Затула и кандидат биологических наук С. А. Мамедова рассказывают о структуре вирусов, о циклах их развития, о взаимодействии с окружающей средой.

●
Юный читатель узнает о методах исследований вирусов, получит представление о работе вирусологов.

Авторы рассказывают о результатах исследований, с помощью новейшей техники.

●
Те, кто прочтет эту книгу, узнают, что не все вирусы, способные внедряться в организм человека, оказываются вредными.

Библиотечка
Детской
энциклопедии

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• ПЕДАГОГИКА •